КАРТИНЫ

ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и к., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1871.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
307457

Дозволено цензурою. Москва. Апрѣля 21-го, 1871 г.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Эти «Картины изъ народной жизни Донскихъ казаковъ» будутъ заключать въ себѣ рядъ разсказовъ изъ теперешней и прошедшей жизни Донскихъ казаковъ. Цѣль этихъ разсказовъ— обрисовать нравы Донскихъ казаковъ, обыкновенія ихъ въ домашней и военной жизни и ихъ подвиги, доставившіе имъ громкую славу. Читатель не найдетъ здѣсь ни похвалъ, ни порицаній, — я хочу только развернуть передъ нимъ картины жизни воинственнаго и оригинальнаго народа.

Въ разсказахъ изъ современной жизни казаковъ — считаю нужнымъ сказать это, во избѣжаніе могущихъ случиться недоразумѣній—мною не будетъ оскорблена ничья личность: всѣ дѣйствующія лица въ этихъ разсказахъ — лица рѣшительно вымышленныя.

ДОНСКАЯ СВАДЬБА.

ДОНСКАЯ СВАДЬБА.

I.

Въ Р. станицѣ живетъ казакъ Иванъ Ѳедоровичъ Меркуловъ. Между своими станичниками онъ считается самымъ прямымъ и бесхитростнымъ человѣкомъ. Про него разсказывается премножество разныхъ исторій: Разсказываютъ, что когда онъ былъ еще выросткомъ и сидѣлъ сидѣнку, то разъ, возвращаясь праздникомъ съ охоты съ ружьёмъ, онъ, подходя къ небольшому озеру, расположенному недалеко отъ станицы, замѣтилъ, что на немъ сидѣло множество бѣлыхъ гусей. «Стой!... лебеди!» сказалъ онъ, торопливо снимая съ плечь ружьё. Подползъ на колѣнкахъ къ самому берегу, выстрѣлилъ, и положилъ лебедей цѣлый десятокъ. Остальные перелетѣли на другой конецъ озера и сѣли. Онъ поспѣшно зарядилъ ружье, подползъ, еще выстрѣлилъ—и также удачно. Перелетѣвшіе гуси опять сѣли на другомъ концѣ, онъ опять зарядилъ ружье и выстрѣлилъ; и такимъ образомъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока не перестрѣлялъ всѣхъ. Покончивши дѣло, онъ снялъ съ себя платье и полѣзъ доставать дичь. «Вотъ набилъ,» говорилъ онъ съ восторгомъ: «больше ста!» Повытаскавши почти всѣхъ, онъ нечаянно бросилъ взглядъ на ноги однаго гуся, и замѣтилъ, что онъ помѣченъ. Его такъ по кожѣ и подрало. Онъ глянулъ на ноги всѣхъ—и

Они, какъ одинъ, всѣ были мѣчены. «Гуси!!» сказалъ онъ съ ужасомъ. Въ это время шла мимо озера по дорогѣ женщина. Онъ увидѣвши её, въ испугѣ, бросилъ ружье и платье, и голый, какъ мать родила, бросился уходить; добѣжалъ до терновыхъ кустовъ и схоронился въ крапиву. Казачка, подошедши къ озеру, и увидѣвши множество битыхъ гусей, въ удивленіи остановилась. «Какой это игрецъ наработалъ?» сказала она, и подошедши къ гусямъ и посмотрѣвши на мѣту, воскликнула: «Батюшки-кормилицы, наши гуси! Да тутъ и Ѳедо̀рины и Копытины и Марусины!» говорила она, смотря на мѣту прочихъ. Потомъ скоро побѣжала домой, надѣлала крику. Собралась вся станица отъ мала до велика, такъ какъ тогда былъ праздникъ, и всѣ спѣшили на мѣсто происшествія. Сбѣжавшись, приступили къ слѣдствію. Платье и ружье тотчасъ были узнаны. Сообразили, что и преступникъ долженъ быть недалеко. Вся толпа бросилась искать, и бѣдный Иванъ Ѳедоровичъ былъ найденъ и выведенъ въ страшномъ видѣ: голый, ободранный, весь въ шишкахъ отъ крапивы. Отъ страха, смотрѣлъ онъ дико. «Говори, это ты набилъ гусей?» говорили ему старики, ставши кругомъ его. Но онъ ничего не могъ отвѣчать. «Ну, отецъ долженъ заплатить!» говорили судьи.— «Какже, у меня и имѣнія столько не достанетъ!» говорилъ отецъ, который случился тутже. «Хоть съ него черевы вымотайте!» Потомъ, подступивши къ нему, говорилъ: «Зачѣмъ ты ихъ билъ—а? Зачѣмъ ты ихъ билъ? Что же ты молчишь? у! злодѣйскіе бѣльмы?» говорилъ онъ глядя на его вытаращенные глаза. Кончилась эта исторія тѣмъ, что Ивана Ѳедоровича продержали три дня въ холодной, и, такъ-какъ отецъ не соглашался платить за него, то его высѣкли на сборѣ и освободили.

Другая исторія случилась съ нимъ недавно. На П. хуторѣ живетъ казакъ Емельянъ Макаровъ. Въ одинъ день, передъ вечеромъ, онъ вышелъ изъ дома и увидѣлъ, по бугру, съ степи, стремглавъ скачетъ человѣкъ, погоняетъ лошадь беспрестанно,

кричитъ, и всё нагинается, какъ будто хочетъ что-то ударить плетью. Онъ сталъ присматриваться: вскорѣ замѣтилъ, что впереди его что-то бѣжитъ, въ родѣ небольшой собаки. Подпустивши ближе, Емельянъ Макаровъ узналъ въ человѣкѣ Ивана Ѳедоровича Меркулова, который гнался за его сѣрымъ кобелемъ. «Волкъ, волкъ! га, га, тю, тю!» кричалъ онъ, погоняя своего всего обмыленнаго коня. Добѣжавши до рѣчки, собака бросилась вплавь. Иванъ Ѳедоровичъ за нею. Собака, вбѣжавши въ дворъ, бросилась на завалину и загавкала; Иванъ Ѳедоровичъ, схвативши обломокъ оси, бросился къ ней, крича: «Волкъ, братъ, волкъ!» Хозяинъ бросился къ нему и, схвативши его за руку: «Что ты, Иванъ Ѳедоровичъ, это мой кобель!»—«Какъ, волкъ! я его на Орѣшномъ поднялъ! я по немъ два раза выпалилъ!» кричалъ Иванъ Ѳедоровичъ, и никакъ не могъ остановится. Но когда хозяинъ убѣдилъ его въ справедливости своихъ словъ, то онъ плюнулъ, бросилъ ось и сказалъ: «Вотъ проклятая собака, то-то она—я гоню за нею, а она обернится да—гавъ, гавъ!» Потомъ онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ, размѣряя руками, и сердито харкая.

Много было съ Иваномъ Ѳедоровичемъ разныхъ происшествій. А что случалось съ нимъ во время его службы, того, какъ говорятъ его сослуживцы, «ни разсказать, ни описать». Однажды, служа въ батареѣ, онъ былъ для своего взвода кашеваромъ. Случилась перестрѣлка, товарищи его ускакали, въ авангардъ, а онъ, сидя надъ котломъ, сказалъ: «Ну, многимъ изъ васъ, братцы, не быть на возвратѣ... на что теперь столько каши?» и вылилъ половину котла. На его бѣду взводъ возвратился весь и голодный изъявилъ громкій ропотъ. «А чертъ васъ зналъ, что вы всѣ возвратитесь!» говорилъ Иванъ Ѳедоровичъ: я думалъ, что васъ половину побьютъ».

Иванъ Ѳедоровичъ самъ о себѣ ничего не разсказываетъ, только развѣ то, что случилось съ нимъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, и то очень рѣдко. «Мы съ братомъ», говорилъ онъ,

«были у отца двое. Жили мы надъ самою дорогою, и мимо насъ часто ѣздили люди. Вотъ и прiучись мы съ братомъ гавкать на людей. Какъ кто ѣдетъ, мы выскакиваемъ, бѣжимъ въ слѣдъ и—гавъ, гавъ, гавъ! Одинъ старикъ, который часто ѣздилъ мимо насъ, вздумалъ насъ отъучить отъ этого. Ѣдетъ онъ, а мы, по обыкновенiю, и выскочи. Бѣжимъ и гавкаемъ, а онъ ну насъ хвалить и бросать намъ прянцы. «Вотъ собаки, вотъ кобели, вотъ кобели, какiе злые!» А мы такъ и берёмъ, такъ и берёмъ съ обѣихъ сторонъ. Старикъ, подпустивши насъ близко, вдругъ какъ вскочитъ съ повозки, какъ схватитъ насъ обоихъ, за вихоръ, да кнутомъ, кнутомъ! Мы кричимъ благимъ матомъ, а онъ сѣчетъ, а онъ сѣчетъ и приговариваетъ: Не брешите на людей, антихристы, не брешите! Высѣкши насъ на всѣ бока, онъ пустилъ, и мы со всѣхъ ногъ бросились уходить. Съ тѣхъ поръ, какъ только заслышимъ, кто ѣдетъ по дорогѣ, хоронимся, бывало, какъ можно дальше.

II.

Семейство Ивана Θедоровича Меркулова состоитъ изъ жены, двухъ сыновей съ женами и трехъ внуковъ. Онъ живетъ очень достаточно. Всѣмъ бы онъ былъ счастливъ, но Богъ наказалъ его чрезвычайно дурнымъ сосѣдомъ «Не купи двора, купи сосѣда», часто говоритъ Иванъ Θедоровичъ.

Этотъ злой сосѣдъ его—сотникъ Илья Николаевичъ Слышкинъ. Онъ самый отчаянный вольнодумецъ, какимъ сдѣлался во время своей службы въ Полышѣ, въ церковь не ходитъ, живетъ одинъ и не имѣетъ никого, кромѣ работника и работницы. Время свое онъ проводитъ въ совершенной праздности, а Меркуловымъ дѣлаетъ все, что только можетъ выдумать непрiятнаго. Разъ онъ велѣлъ такъ загородить переулокъ, по которому они гоняли скотину, что осталась стёжка шириною не больше аршина. «Что это вы дѣлаете, Илья Николаевичъ? Вѣдь тутъ двѣ

скотины не пролѣзутъ рядомъ!» говорилъ ему Меркуловъ. — «А ты научи свою скотину ходить по ранжиру!» отвѣчалъ онъ. Иванъ Ѳедоровичъ ничего не сказалъ, махнулъ рукою, завернулся, плюнулъ, и пошелъ.—Въ другое время, онъ, разсердившись, сказалъ: «Иванъ Ѳедоровичъ, не пускай ко мнѣ на дворъ свиней, а то я по нихъ буду стрѣлять!» На другой день и взойди къ нему на дворъ Меркулова свинья. Онъ отворилъ окно, хлопъ съ ружья, и повалилъ её. «За что это вы убили свинью, Илья Николаевичъ? я пойду къ атаману!» — «А что тебѣ свиньи жалко—а? жалко? что она стоитъ? Возми три рубля! на! что мнѣ жалко что-ли? Меркуловъ взялъ три рубля и убитую свинью, и пошелъ домой.

Когда открывалась вольная продажа водки, то Слышкинъ позвалъ къ себѣ Меркулова и сталъ ему говорить: «Вотъ, Иванъ Ѳедоровичъ, я нанялъ участокъ, а ты продалъ воловъ —деньги у насъ есть,—давай, братъ, сложимся и станемъ торговать водкой. Купимъ бочку и станемъ продавать, я буду самъ продавать.» Тутъ онъ представилъ такіе резоны, что Иванъ Ѳедоровичъ согласился и отдалъ сто рублей, вырученные за воловъ. Бочка водки была куплена; но случилось, что въ томъ году такъ много нашлось желающихъ торговать водкой, что кабакъ былъ почти въ каждомъ дворѣ. Слышкинъ не продалъ и на двадцать копѣекъ, а всю раздалъ въ долгъ.

Чрезвычайно скоро, сравнительно съ другими кабатчиками, Слышкинъ распродалъ свою бочку. Причиною этому было еще и то, что онъ часто бывало напаивалъ водкой не только работника и работницу, но и собакъ и гусей. Напоитъ всѣхъ и смотритъ, что они станутъ дѣлать. «Ха, ха, ха,» слышно бывало съ его двора: «какіе фикулясы выдѣлываетъ!» Иногда работника напоитъ пьяны́мъ-пьяно̀, привяжетъ ему козьи рога и длинный деревянный носъ, и прислонитъ соннаго къ стѣнѣ. Кто если придетъ къ нему въ это время, то онъ показываетъ на

соннаго работника и говоритъ: «А это что? Видишь? Это чертъ! у!....»

Когда водка кончилась, то Слышкинъ позвалъ къ себѣ Ивана Ѳедоровича и говоритъ: «Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, водка вышла!» — «Сколько же вы выручили?» — «Я ничего не выручилъ,— отпускалъ всё въ долгъ, а они черти не отдаютъ!» —Да вы требуйте я жъ не виноватъ, мнѣ мои деньги возвратите, хоть ужъ столбъ мой давайте!»—Да гдѣ же я ихъ вамъ возму, что же, я буду дѣлать? и мои пропали! Вотъ подите потребуйте съ дьячка Григорья! гдѣ онъ ихъ вамъ возметъ? развѣ продастъ свою пѣгую кобылу, а на чемъ же онъ будетъ ѣздить въ приходъ?.. Кстати, Иванъ Ѳедоровичъ, съ дьячкомъ какое происшествіе случилось на этой недѣлѣ. Поѣхалъ онъ съ отцомъ Антономъ на Н. поминать старуху Тормасиху. Отецъ Антонъ ѣхалъ дрогами, а онъ верхомъ. На поминкахъ онъ возми да и нарѣжься, и на возвратномъ пути все гарцовалъ и крутился, видно чуялъ надъ собою бѣду. Случилось отцу Антону остановиться по дѣлу надъ домомъ казака Сметанкина, — который прошлый годъ на кулачкахъ, подлецъ, ловко задѣлъ меня по сысаламъ,—Григорій началъ хвалиться своею кобылою, и божился, что онъ на ней хоть въ огонь, хоть въ воду. «Хочете, я могу на ней въѣхать въ домъ?» — «Гдѣ тебѣ?» говорилъ отецъ Антонъ. «А глядите! но!... но!... подходи!» закричалъ Григорій, толкая обѣими ногами свою кобылу, а самъ пригнулся къ самой шеѣ. Лошадь, подошедши къ порогу, и понюхавши его, какъ прянетъ черезъ него, да и придави дьячка къ перекладинѣ. «Ой!!..» закричалъ онъ и повалился кубыремъ съ лошади. Лежитъ недвижимъ.... Всѣ попугались; отецъ Антонъ, въ испугѣ, бросился на дроги и закричалъ своему работнику: «Погоняй, Карпо, домой! Вотъ бѣда, вотъ бѣда!» говоритъ онъ дорогой. Всѣ думали, что тутъ ему будетъ и карачунъ; но нѣтъ, пріѣхалъ на другой день въ станицу здоровёхонекъ, только все хватается за поясницу. Отецъ Антонъ теперь такъ и берется за

бока. «Ну ужъ Григорій,» говоритъ, «убилъ ты бобра! Дернула же тебѣ лихая година!...» — А деньги то, Илья Николаевичъ?» сказалъ Меркуловъ. «Говорятъ тебѣ, онѣ всѣ по долгамъ; иди собирай, пожалуй!» — «Да я вамъ не уважу, я на васъ буду жаловаться!» — «Э!... братъ, лучше ужъ не начинай—хуже будетъ! Вѣдь я тебѣ расписки не давалъ. Посуди ты самъ, гдѣ же я ихъ возму?» Плюнулъ Иванъ Ѳедоровичъ, и пошелъ домой. «Нога моя, Илья Николаевичъ, не будетъ у васъ съ этихъ поръ!» сказалъ онъ, обернувшись. «Нехай проподаютъ пара воловъ: они меня не родили.»

III.

Три года тому назадъ Иванъ Ѳедоровичъ женилъ своего меньшаго сына, Андрея. Когда онъ былъ еще небольшимъ парнемъ, то онъ ему всегда говорилъ: «Будь молодцомъ, Андрей, не давай дѣвкамъ потачки. Будешь мокрой курицей, такъ ни одна тебя не полюбитъ. А когда, Богъ дастъ, женишся, то будь осторожнѣй съ женой. Это такое бѣсово племя! ни то, что нашъ братъ. Говорятъ же, что бабы собраны изъ гадючьихъ спинокъ, и это не даромъ. А въ законѣ сказано: ни скотъ въ скотахъ коза, ни звѣрь въ звѣряхъ ёжъ, ни рыба въ рыбахъ ракъ, ни птица въ птицахъ натопырь и ни мужъ въ мужахъ, кѣмъ жена владѣетъ. Помни это Андрей.»

Помнилъ, или не помнилъ Андрей отцовскія наставленія, но только во всей станицѣ онъ былъ первый балалаишникъ и первый пѣсенникъ. На кулачкахъ никогда безъ него дѣло не кончалось, а сдѣлаютъ во время святокъ казаки кобылу, то онъ всегда нарядится цыганомъ, возметъ въ одну руку поводъ, а въ другую арапникъ и самымъ цыганскимъ голосомъ кричитъ: «А ну, кобылушка, ну! прибодрись!...» Около его соберется въ это время множество ребятъ, дѣвокъ и бабъ, громко смѣющихся и

вмѣстѣ со страхомъ взирающихъ на толстый арапникъ и костяную голову кобылы. «Моя кобыла молодая, у ней грива золотая!» говоритъ онъ. «А ну, сторонись народъ отъ вѣтру! Кобылѣ надо воздуху!» Кобыла замахаетъ головой и бросится въ самую густую толпу, и не дай Богъ кого клюнетъ головой по макушкѣ—тутъ и присядетъ. Между тѣмъ цыганъ во всѣ стороны отпускаетъ самые полновѣсные удары кнутомъ. Вся толпа съ громкимъ крикомъ бросается уходить; но уходить часто бываетъ не куда: нѣкоторые изъ догадливыхъ казаковъ возмутъ длинную бечёвку и перепнутъ ею дорогу бѣгущимъ. Вся толпа, не видя въ темнотѣ бечёвки, натыкается на нее въ безпорядкѣ, кучею падаетъ. Изъ кучи у кого видна голова, у кого однѣ ноги. Цыганъ и кобыла торжествуютъ.... Послѣ нѣкоторыя изъ дѣвушекъ говорятъ между собою: «Да ужъ и проклятый жа этотъ Меркуловъ Андрюшка, не разбирая по чёмъ сѣке; нога—нога, морда—морда,—яму всё равно!»

Иногда кобыла вдругъ встанетъ на дыбы, зашатается и упадетъ. «Ахъ», кричитъ цыганъ: «Боже милостивый, пришла на меня лихая година! А ну, матушка кобылушка, приподымись!» Но кобыла бьетъ головою объ землю и мотаетъ ногами во всѣ стороны. «А нѣтъ-ли между вами, господа, ликаря? Штось кобыла занедужила!» Вдругъ изъ толпы выходитъ какой-нибудь старый казакъ. «А чѣмъ она занемогла?» спрашиваетъ онъ «Около крестеца заболѣло!» — «Вотъ тутъ?» спрашиваетъ лекарь, показывая на мѣсто, гдѣ долженъ быть крестецъ. — «Нѣтъ, пониже!» — «Вотъ тутъ?» — «Нѣтъ, повыше!» — «Вотъ тутъ, что-ли?» — «Нѣтъ!» — «Пху!» говоритъ лекарь: «что за чертъ!» — «Такъ-то ты лечишь? ты не лечишь, ты только деньги берешь! Вотъ я тебя полечу самого, я тебѣ пересчитаю ребра, старая собака!» И удары кнута градомъ посыплются на неискуснаго лекаря, который со всѣхъ ногъ бросается назадъ, въ толпу.

IV.

Когда стало подходить время женить Андрея, то отецъ и мать стали усердно присматриваться къ дѣвушкамъ и распытывать у другихъ. Андрей тоже не моргалъ. «Андрей», говорилъ однажды отецъ: «я хочу за тебя свататься... На Л. хуторѣ живетъ казакъ Сидоръ Григорьевичъ Корыгинъ; у него есть дочь; я её хочу за тебя сватать. Козеевы за своего Прокофія тоже въ томъ хуторѣ засватали; когда у него будутъ вечеринки, поѣзжай съ нимъ и погляди, понравится ли она тебѣ».

Невѣста понравилась, и вотъ, дождавшись двухъ праздниковъ, Иванъ Өедоровичъ велѣлъ запречь пару лошадей, посадилъ съ собой старуху, заставилъ Андрея править лошадей и поѣхалъ на Л.

Дорогой онъ подшучивалъ поперемѣнно то надъ сыномъ, то надъ старухой. «Ты что, старуха», говорилъ онъ: «такъ осовѣла, ты ободрись, вѣдь ты ѣдишь свататься; а то люди скажутъ: что это за чертъ за свекруха, это ни свекруха, это вчерашняя лапша... А знаешь, какъ я за тебя сватался? я тебѣ вѣдь этого никогда не разсказывалъ. Покойникъ батюшка научилъ меня, а я и пустился на хитрости. Одинъ разъ онъ говоритъ мнѣ: ты, Иванъ, поѣзжай погляди невѣсту, которую я хучу за тебя сватать. Поѣзжай на З. и спроси, гдѣ живетъ казакъ Титъ Ремизовъ. Да когда къ нему пріѣдешь, то ни къ кому не обращайся изъ его семейства, а непремѣнно вызови его. Когда скажутъ: его дома нѣту; ну и дѣла нѣту! скажи ты и поварачивай домой. А когда его вызовешь, то скажи: я ищу коровы; не приблудилась ли къ вамъ? у насъ пропала! Онъ сейчасъ же пойметъ, что это штука,—онъ хоть и косой, но хитрый, какъ идолъ: самъ съ молоду на обухѣ горохъ молотилъ, прошелъ и воды, и огни, и мѣдныя трубы. Да, кромѣ того, мы съ нимъ уже говорили. Онъ непремѣнно угодаетъ тебя по обра-

зинѣ: вѣдь ты весь похожъ на меня такъ, какъ двѣ капли воды, какъ будто вылился, или спроситъ чей ты. А когда догадается, то позоветъ тебя въ комнату, и станетъ выкидывать штуки; тутъ онъ позоветъ кого-нибудь еще — ужъ я эти дѣла хорошо знаю — а ты и примѣчай, — это и будетъ твоя невѣста; ты и мотай на усъ. Да гляди не выпусти какую-нибудь словягу; ты вѣдь на это мастеръ!... Вотъ я осѣдлалъ коня и поѣхалъ; распытался, пріѣзжаю въ дворъ и вижу, твой отецъ возится надъ возомъ, въ которомъ была сломана ось. Подъѣзжаю я къ нему и говорю: здорово, дядюшка! «Здорово!» сердито сказалъ онъ, глядя на меня косо исподлобья. Нѣтъ ли у васъ дядюшка, приблудной коровы? «Какой тебѣ надо коровы?» сказалъ онъ протяжно и сморщившись. «Гляди, чтобы за эту корову я тебя не отвозилъ?! Я тебѣ дамъ такую корову, что ты и своихъ не угодаешь! Убирайся скорѣй, сломя голову! а то я тебя затравлю собаками, а ни то отломаю бока такъ, что ты за три года не вздумаешь искать коровы!!» закричалъ сердито онъ, махая топоромъ. Я вижу, что дѣло плохо, скорѣй тягу съ двора; оглядаюсь назадъ и думаю: какъ бы корчушкой въ голову не попустилъ. Вотъ сердитый! какъ онъ меня не тяпнулъ топоромъ по головѣ!... Такъ я и проглотилъ галушку. «Ворона ты, ворона,» сказалъ отецъ, когда я воротился: «гдѣ воронѣ не летать, все добра не видать!» что-жъ, вѣдь послѣ все сдѣлалъ по своему, уладилъ таки и женилъ меня на тебѣ. Случилось таки это на грѣхъ! Хоть бы ужъ ты умерла! Ты вѣдь ни къ шубѣ рукавъ. Что ты передо мною? всё равно, что сова передъ лебедемъ!...» — «И — и, Царь Ты мой Небесный! еще и хвастаетъ! Ты ужъ посмотри на себя-то! Нечего сказать, хорошъ сахаръ-медовичъ! кисель-киселёмъ! А кабатчицу-то Микитишну ты помнишь?» Ивана Ѳедоровича какъ жаромъ осыпало. «А это что?» сердито сказалъ онъ, показывая и потряхая въ своей рукѣ кнутъ: «гляди, чтобы онъ не походилъ по твоей спинѣ!» Тутъ онъ сурово сталъ глядѣть въ сторону, прижмурялъ все одинъ глазъ, кри-

вилъ губы то въ ту, то въ другую сторону, и моргалъ лѣвымъ усомъ.

Воспоминаніе объ этой кабатчицѣ «Микитишнѣ» для него всегда въ крайней степени непріятно. Хотя она давно уже не живетъ въ Р. станицѣ, и непріятность, нанесённая ему ею, сдѣлана была лѣтъ двадцать тому назадъ, однако воспоминаніе о ней и до сихъ поръ для него такъ живо, что всегда выводитъ его изъ терпѣнія и на долго омрачаетъ его духъ.

Въ то время продажа водки въ войскѣ Донскомъ была на откупѣ. Въ Р. станицѣ довѣреннымъ лицемъ отъ откупщика былъ мѣщанинъ Ѳедоръ Лыга. Онъ былъ человѣкъ уже пожилой, но жена его была еще очень молода. Она была пылкая и краснощекая женщина, и необыкновенная пѣсенница. Ходила всегда въ ярко-красномъ платьи съ голубою оторочкою. Частые разъѣзды мужа давали поводъ много говорить объ ней дурнаго, но это считалось клеветою, и она пользовалась общимъ уваженіемъ. «Какъ это ты, Микитишна, умѣешь хоронить концы въ воду; про тебя вѣдь никто ничего худаго не скажетъ! А другой только зацѣпись, такъ тутъ всѣ собаки узнаютъ». Такъ говорили ей нѣкоторыя изъ молодыхъ казачекъ, у которыхъ мужья были на службѣ. «Эхъ, ты», говоритъ бывало она въ отвѣтъ: «ты ѣшь, да только губы утирай, и говори, что ничего не ѣла — вотъ и всё!» Молодые казаки всѣ были безъ ума отъ кабатчицы Микитишны. «Просто такъ на ней кожа и говоритъ», говорили они между собою: «глянешь на неё, глянешь на оторочку... ухъ!...»

Когда Иванъ Ѳедоровичъ только пришелъ со второй службы— онъ былъ тогда еще молодымъ казакомъ—то мѣсяца черезъ два и сорвись у него съ языка что-то про Микитишну. До ней дошли эти рѣчи, и она сказала: «Запиши ты себѣ это на носу, проклятый висляй; положишь ты и зароки въ другой разъ хвалиться.» Иванъ Ѳедоровичъ не зналъ, что надъ его головою собиралась грозная туча. Не подозрѣвая бѣды, идетъ онъ разъ

по улицѣ, мимо дома, въ которомъ помѣщался кабакъ. Вдругъ отворяется окно и Микитишна, моргая глазомъ, и кивая пальцемъ, тихо говоритъ, обращаясь къ нему: «Иванъ Ѳедоровичъ, Иванъ Ѳедоровичъ! подойдика сюда!» Иванъ Ѳедоровичъ лукаво кивнулъ усомъ нѣсколько разъ, и повернулъ шаги къ окну. «Что, видно твой Лыга уѣхалъ—а? Уѣхалъ? Бѣда, теперь ночи вѣдь мѣсячныя!» говоритъ онъ шепотомъ, подходя къ ней. Когда онъ подшелъ къ самому окну, то вдругъ Микитишна схватила его за волоса, и въ одно мгновеніе ока голова его очутилась въ окнѣ. Окно было волоковое и самаго малаго формата,—оно состояло изъ отверстія, прорубленнаго въ стѣнѣ и задвигавшагося деревянною доскою. Плечи и руки Ивана Ѳедоровича не могли пройти во внутрь, и остались на улицѣ. Тутъ Микитишна схватила съ своей ноги башмакъ и держа его одною рукою за волоса, другой со всѣхъ силъ стала бить по лицу и по головѣ, приговаривая: Не хвались, что я тебя люблю, не хвались! не будешь хвалиться! Васъ такихъ чертей много найдется! Вотъ же тебѣ, родимецъ тебя поломай, вотъ же тебѣ, знай край да не падай!» Иванъ Ѳедоровичъ сначала крутился во всѣ стороны, махалъ руками и кричалъ: «Что ты, что ты? тю! ой! ой!» Потомъ, потерявши всякое терпѣніе, сталъ проворно присѣдать и прядать, и во все горло кричалъ: «Караулъ! караулъ! караулъ!» Кабакъ былъ въ самой срединѣ станицы; недалеко отъ него была церковь, красныя и овощныя лавки, и богадѣльня, гдѣ содержалось на общественный станичный счетъ множество стариковъ и старухъ. Станичное правленіе было также близко. Необычайный и отчаянный крикъ караулъ, среди бѣлаго дня, былъ услышанъ всѣми и привелъ всѣхъ въ тревогу. Дьячёкъ, бывшій въ то время на колокольнѣ, услышавши крикъ въ кабакѣ, и увидѣвши, что около окна что-то мотается, подумалъ, что загорѣлся кабакъ, и что въ окно это выкидываютъ платье. Вслѣдствіе этой ошибки, онъ ударилъ во всѣ колокола; поднялась страшная тревога. Сидѣльцы и огнёвщики бросились

къ лошадямъ, загремѣли дроги съ бочками, нососы, богры и копья, и все двинулось къ кабаку. Станичные правители, церковные сторожа, сидѣльцы лавокъ, старцы съ богадѣльни, сосѣди и всѣ услышавшіе—всѣ въ беспорядкѣ, запыхавшись, бѣжали на тревогу. Когда толпа подбѣжала къ кабаку и, въ удивленіи и недоумѣніи, не зная что такое здѣсь происходитъ, стала въ великомъ множествѣ собираться около окна, изъ котораго висѣлъ человѣкъ, прядалъ, мотался во всѣ стороны и кричалъ. Вдругъ кабатчица, насытивши свою месть, пустила Ивана Өедоровича, и онъ выдернувши изъ окна свою голову, и шатаясь во всѣ стороны, глянулъ кругомъ, и увидѣлъ около себя въ собраніи всю станицу. «Господи!» крикнулъ одинъ казакъ: «да это Иванъ Меркуловъ! Кто это, братъ, тебя такъ обработалъ? Не въ добрый часъ видно ты пришелъ домой, не доканала тебя Грузія, такъ вотъ доѣхалъ какой-то чертъ тутъ, чьись руки походили!» Другой въ тоже время ходилъ около его и, заглядывая со всѣхъ сторонъ говорилъ: «Изволочилъ, братъ, тебя кто-то, какъ гаду! не гдѣ и курицѣ клюнуть!» Вся толпа пришла въ движеніе, поднялся страшный шумъ и крикъ. Кто, догадываясь въ чемъ дѣло, брался за бока и хохоталъ во всё горло; кто дѣлалъ предположенія и догадки отчего и какъ это случилось. Съ одной стороны было слышно: «Вотъ изуродованъ, окалѣченъ на вѣки человѣкъ!» Съ другой кричали «Вотъ исковеркали, такъ исковеркали!» Атаманъ, прибѣжавшій на тревогу съ насѣкой, кричалъ, глядя на колокольню: «Остановите дьячка, остановите дьячка! Вотъ разносило его щепеляваго. На Ивана Өедоровича жалко было смотрѣть: въ это время онъ стоялъ среди толпы, съ выраженіемъ скорби, униженія и ужаса на лицѣ, съ приподнятою судорожно верхнею губою, и водилъ глазами во всѣ стороны. Волоса его были всклокочены, изъ рта и носа текла кровь; лице все было синее и страшно распухло; вся голова поболѣла въ два раза; шея вся была ободрана, а на пальцахъ многіе ногти были сорваны прочь, отче-

го всѣ руки были въ крови. Ужасенъ былъ видъ его въ это время! Подъ окномъ, гдѣ онъ стоялъ, была выбита глубокая яма, а стѣна около окна вся была ободрана и поколупана, и на ней видны были кровь и слѣды ногтей.

Микитишна, какъ только кончила свою экзекуцію, поспѣшно надѣла башмакъ и выскочила на дворъ; подбѣгая къ стоящей толпѣ, она кричала: «Ахъ, ахъ, Господи! чуть дышу отъ испуга! Что это на меня за напасть! Какъ разъ, на бѣду, и мужа нѣту. Сижу я.... шью себѣ сарафанъ.... а задвижное оконце отворила, чтобы было прохладно,—ахъ, Господи! я чуть дышу отъ испуга!—вдругъ вижу съ улицы съ страшнымъ крикомъ бросается въ окно человѣкъ и хотѣлъ вскочить въ комнату! Кто знаетъ чего ему хотѣлось, что у него было на умѣ!... Весь не проскочилъ, застрялъ головою и ни туда, ни сюда... бьется пѣна у него со рта клубомъ, какъ у бѣшенаго, страшно гладитъ глазами во все стороны, а самъ кричитъ, а самъ кричитъ!.... я испугалась и не знала что дѣлать.... Бѣгаю по комнатѣ, какъ угорѣлая кошка: то схвачу подушку, то свой сарафанъ, то тарелку; всё пораскидала, всё перебила.... Вотъ бѣда, вотъ наказалъ Богъ за грѣхи!...» Такъ говорила Микитишна. Иванъ же Ѳедоровичъ ничего не говорилъ; онъ, кажись, ничего не слыхалъ, ничего не чувствовалъ, ясно ничего не видалъ. Онъ мутно глядѣлъ глазами, голова его, не имѣя силы держаться прямо, хиталась во всѣ стороны. Онъ тяжело дышалъ, больше всё отдувалъ отъ себя и стоналъ; слышно было по временамъ только: «Охъ, охъ, охъ,» произносимое протяжно, слабо и жалобно.

«Такъ это онъ значитъ рехнулся—вотъ въ чемъ дѣло-то! а жаль, хорошій былъ казакъ!» сказалъ атаманъ. Тутъ онъ обратился къ казакамъ и приказалъ отвесть Ивана Ѳедоровича домой. Его повели подъ руки.

Толпа, состоящая изъ людей всѣхъ возрастовъ, шла за нимъ, толкуя между собою о причинѣ такого его состоянія. Одна старуха говорила, что это онъ сбѣсился, потому что его доро-

гою, когда шелъ домой со службы слышно было, покусалъ бѣшеный волкъ. Другая говорила, что это его испортили. И много было говорено предположенiй и догадокъ.

Иванъ Өедоровичъ только черезъ двѣ недѣли могъ твердо стоять на ногахъ. Не смотря на то, что ни онъ, ни кабатчица не говорили ничего объ этомъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ было, но вскорѣ вся станица узнала всё обстоятельно.

V.

Только проѣхавши верстъ пять, Иванъ Өедоровичъ могъ успокоиться. Когда изгладилось совершенно непрiятное воспоминанiе, то онъ по прежнему сталъ разговаривать и шутить.

«А что, Андрей, какъ ты думаешь,» говорилъ онъ: «отдадутъ за тебя Корыгины? Дѣвка хорошая; дай Богъ, чтобы отдали. Она наплодитъ тебѣ такихъ мордастыхъ ребятъ!.... Ты прибери, непремѣнно прибери свиное корыто, что ты сдѣлалъ въ старую кухню, чтобы оно было цѣло. Она будетъ говорить: это мой Андрей Ивановичъ дѣлалъ, когда былъ еще женихомъ. Все будетъ говорить: мой Андрей Ивановичъ, у моего Андрея Ивановича! А что ты думаешь, вѣдь я хотѣлъ женить тебя на Блиновой. Ея отецъ говоритъ: возми, кумъ, мою Матрёну за своего Андрея; твой Андрей хорошiй парень!... Что женился бы ты на ней?» — «Какже!» говорилъ Андрей: «не видалъ астраханской версты? Росла, росла вверхъ, и на передъ похилилась; и лядалядой! я на другой же бы день побилъ бы объ нее всю свою новую балалайку.... Прошлыя святки на катанкѣ она всё, стоя не умѣетъ кататься, да ляжетъ бокомъ и катится. Ребята не будь дураки да и сядь на нее человѣкъ восемъ, и скатились до самаго низу. Кой-какъ она выцарапалась изъ подъ нихъ да ужъ и наругала же имъ боки. Чтобъ васъ родимецъ поломалъ, говоритъ, оборваные голодрабцы, протерли лодыжку до крови! а сама все за ногу хваталась...»

VI.

Пріѣхавши на Л., Меркуловы остановились у казака Сержалина, бывшаго сослуживца Ивана Өедоровича.

Сержалинъ страшный заика; онъ только речитативомъ и можетъ говорить. Когда же начнетъ что-нибудь обыкновеннымъ разговоромъ, то беспрестанно накланяется, качаетъ головою, ужасно кривится и моргаетъ обоими глазами. Его любимыя поговорки: «Наша взяла, ажъ морда въ крови» и «Ладно, дядя, приди еще!» Онъ ихъ всегда говоритъ и къ дѣлу и ни къ дѣлу. Первую если начнетъ говорить, то слышно: На-на-на-на-на....»; а вторую: «Ла-ла-ла-ла-ла....» И Боже мой, какъ тяжко ему выговаривать ихъ! Всякаго слушателя состраданіе поражаетъ при этомъ въ самомъ сердце, и онъ испытываетъ страшное мученье: лице его принимаетъ самое неестественное и насильственное выраженіе, а зубы огаляются точно такъ, какъ у грѣшниковъ на картинѣ, гдѣ они изображаются Донскими живописцами обыкновенно грызущими въ страшной душевной мукѣ свои руки, съ искоженными лицами и растрепанными волосами, а нечистые духи тянутъ ихъ въ адъ желѣзными цѣпями и крючьями.

Случается, что въ праздникъ Сержалинъ начнетъ что-нибудь говорить на базарѣ; около его въ это время соберется кругъ казаковъ. Увлеченный теченіемъ мыслей, онъ усиливаетъ разговоръ, движенія его принимаютъ страшную энергію, всѣ слушатели, невольно и незамѣтно для самихъ себя, заражаются подражаніемъ, и начинается комедія. Одинъ помогаетъ ему губами, другой всею головой, а третій накланяется и моргаетъ точно такъ, какъ онъ. «Ну,» говорятъ стоящіе въ отдаленіи казаки: «чертъ снёсъ компанію. Ишь закивали и заморгали—всѣ видно заики наголо. Вотъ ужъ наговорятся, какъ хлѣба наѣдятся! Такъ ужъ сапъ храпа найдетъ!»

Въ одну изъ службъ Сержалину пришлось служить драбантомъ у сотеннаго командира, есаула Долматина, котораго онъ постоянно или терзалъ, или смѣшилъ своимъ обращеніемъ. Бывало когда есаулъ былъ въ обыкновенномъ состояніи духа, то, слыша его говорящаго ему что-либо, всегда говорилъ: «Ну ужъ, братъ, родила тебя мама, да не облизала! Кто только тебя родилъ? небось какъ рожала, такъ думала: вотъ у меня сыночикъ будя!» Когда же бывалъ сердитъ, то вскакивалъ всякій разъ съ мѣста и, сморщивши лобъ, и глядя на его искривленную физіономію и постоянно моргающіе глаза, махалъ рукою и кричалъ: «Лягушкой подавился! пху! пху! чтобъ тебя чертъ взялъ! Сидишь ты у меня на шеѣ съ своимъ ва-ва-ва!»

Когда у Долматина были гости, и онъ хотѣлъ ихъ позабавить, то призоветъ его къ себѣ и говоритъ: «Сержалинъ, говори сказку!» Сержалинъ, стоя руки по швамъ, кривясь, нагинаясь, переминая ногами и заикаясь, начиналъ — и гости, глядя на него, падали отъ смѣха, махали руками и кричали; «Будетъ, будетъ! ну тебя къ черту!...» За то пѣсни никто въ полку не умѣлъ пѣть лучше Сержалина.

Разъ Долматинъ сидѣлъ въ своей квартирѣ и чѣмъ-то былъ занятъ. Вдругъ видитъ, бѣжитъ въ самомъ беспорядочномъ видѣ его драбантъ. Вбѣжавши въ комнату и остановившись у порога, онъ съ самыми отчаянными и судорожными движеніями, прядая вверхъ, и присѣдая почти навприсядки, закричалъ: «Ва-ва-ва-ва-ва-ва!» Остановившись, и переведя духъ, онъ опять продолжалъ: «Ва-ва-ва-ва-ва»... И такъ дальше продолжалъ до тѣхъ поръ, пока есаулъ, съ удивленіемъ глядя на его такой поспѣшный рапортъ, во весь голосъ не закричалъ: «Пой, пой!» Тогда онъ выпрямился, поднялъ голову нѣсколько вверхъ и, въ такту махая рукою, и покачивая головою изъ стороны въ сторону, затянулъ: «Ва-ше бла-го-ро-ді-е ко-нюш-ня го-ритъ!» — «Что?» закричалъ есаулъ, не разслышавши его словъ. «Еще пой! еще! Онъ вновь запѣлъ: «Ва-ше бла-го-ро-ді-е ко-нюш-ня

го-ритъ!» Услышавши это, есаулъ бросился на дворъ, но было уже поздно, — конюшня съ лошадьми и съ аммуниціею сгорѣла до тла. Сержалинъ тоже выскочилъ за своимъ начальникомъ и, вытаскивая изъ горящей и уже обвалившейся конюшни обгорѣлые дрючки, говорилъ: «Вотъ собака тебя не ѣшь: отчего она загорѣлась?»

VII.

«Что односумъ, какъ ты думаешь, на какой бы это козѣ подъѣхать? Не подослать ли развѣдать?» говорилъ Иванъ Ѳедоровичъ Сержалину. — «На что?» отвѣчалъ онъ, заикаясь. «Прямо дождемся вечера и пойдемъ! Впрочемъ, чтобъ шло дѣло лучше, то давай попросимъ съ собой нашего Кудина. Это чертъ, а не человѣкъ; онъ на этомъ собаку съѣлъ. По моему мнѣнію не умѣючи свататься не хорошо. Хоть мой батюшка бывало и говоритъ, что когда идешь свататься, не придумывай загодя, что сказать, а прямо иди, и тамъ, когда придешь, найдешь что говорить; но я какъ испробовалъ, такъ ужъ и знаю, что такъ этого дѣлать никакъ нельзя. Когда нужно было мнѣ женить своего Прохора, то я припарадился, надѣлъ новый халатъ, подпоясался шелковымъ поясомъ, и пошелъ. Иду и нарочито не думаю съ чего и какъ начать. Вхожу въ комнату, и только, переступивши черезъ порогъ, хотѣлъ помолиться Богу, какъ, Богъ знаетъ какъ, поскользнулся одною ногою, упалъ и, желая удержаться за что бы то ни было, обѣими руками схватился за края большой лахани, которая стояла недалеко и была полна прискверныхъ помой. Кадушка, какъ видно, стояла тоже не твердо; она опрокинулась на бокъ и все, что въ ней было, вылилось мнѣ на шею, а голова моя очутилась со всѣмъ съ плечами въ помойницѣ. Кой-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, я высвободился, усталъ весь мокрый, въ грязи и въ разной дряни. Тутъ ужъ у меня и руки опустились; хотѣлъ помолиться Богу,

но разъ только перекрестился. Потомъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ и спрашиваю у хозяина: а много у васъ, Артёмъ Матвѣевичъ, коровъ съ телятами? «Пять, пять, Игнатій Петровичъ!» говоритъ онъ, а самъ: «ки, ки, ки! Милости просимъ садиться!...» Что-жъ! вѣдь еще пришлось и высватать!»

VIII.

Кудиновъ былъ призванъ. Ему было очень пріятно устрять въ это дѣло.

Кудиновъ еще молодой казакъ, лѣтъ подъ сорокъ; съ перваго раза было видно, что ему приходилось, по казачьему выраженію, ѣсть хлѣбъ изъ семи печей. Гдѣ бы, въ какой бы компаніи онъ не былъ, онъ всегда былъ первый, только его было и слышно, только его и слушали. Всѣ ужъ его знаютъ. Казачки въ компаніи всегда говорятъ: «Ужъ проклятый Кудинъ! Что это за чертъ? Къ нему всё идетъ, что бы не сказалъ... Просто животы понадорвали! Какъ что ужъ скажетъ, такъ чуть не лопнешь!...» — «Такой онъ чертъ былъ и въ полку», говорилъ про него одинъ изъ его сослуживцевъ.

Пришедши на зовъ, Кудиновъ былъ почему-то не въ духѣ; но потомъ мало-по-малу оживился и началъ, по обыкновенію своему, весело разговаривать. «Какая со мной нынче исторія», говорилъ онъ: «мой сосѣдъ Пилкинъ пригородился своею левадою къ моей и давай колья бить, а я самъ хочу загородить это мѣсто. Я вышелъ къ нему и говорю не городи! а онъ: «Ты что за указъ?» Тебѣ говорятъ не городи! я всё это раскидаю, сказалъ я и взялся за колъ; но онъ какъ свиснетъ меня въ ухо. Я его, онъ выхватилъ изъ плетня колъ, я себѣ — и началась баталья. Его жена, стоявши близко, схватила себѣ колъ и бросилась на меня, и мнѣ жутко приходилось! Вдругъ бѣжитъ моя жена съ рѣчки, гдѣ она мыла рубахи. «Ахъ ты», говоритъ,

«русачка, шкура барабанная, и ты туда-же?» и бросилась на нее съ валькомъ. Тутъ и пошло... Мы-то ничего, но бабы побились въ смерть; у моей жены въ трехъ мѣстахъ пробита голова...» — «Да, Пилкинъ свиноватый человѣкъ!... У насъ на этихъ дняхъ тоже была неразволочная съ Крестовымъ, за мягкую залогу... Что же онъ пересталъ городить?» сказалъ Сержалинъ. — «Теперь не городитъ, но говоритъ, что загорожу. Но нехай не думаетъ, я въ воскресенье соберу общество и раскидаю».

Въ это время Андрей съ двора, гдѣ онъ прибералъ лошадей, вошелъ въ комнату. «Поди-ка, братъ, сюда!» говорилъ ему Кудиновъ. «Это за тебя-то мы идемъ свататься? братъ, будь въ надеждѣ; мы въ колѣно земли выбьемъ да поставимъ на своемъ. Чтобы за такого молодца да не отдали? Да и мы будемъ всѣ тетери, если не высватаемъ. А невѣста, братъ, краля кралею!... Я на твоемъ мѣстѣ со всѣмъ бы не такъ поступилъ,—не сталъ бы посылать свататься такую толпу, а взялся бы самъ, и ужъ удралъ бы имъ штуку! долго бы они помнили. Я своей тещѣ такую пулю отлилъ, что ее и теперь по кожѣ подираетъ... Я ходилъ въ первую службу неженатый. Когда пришелъ домой и вздумалъ жениться, то случилось мнѣ быть на хуторѣ В. и увидѣть тамъ свою Наталью Петровну... Я къ ней и началъ подъѣзжать; сталъ часто туда ѣздить... Наконецъ она мнѣ сказала, что пошла бы за меня замужъ, если бы ея мать согласилась, а она жила съ одною матерью; отецъ же въ то время былъ на службѣ. Я говорю: хорошо, ужъ это я обработаю, намъ не учиться волочиться; а я уже въ то время былъ тертый калачь. Вотъ на святкахъ выбралъ день, надѣлъ на себя шашку, ружье и подсумокъ, и поѣхалъ. Пріѣзжаю, вызываю хозяйку и говорю жалобно: тетушка, я Уральскій казакъ, иду домой со службы; нельзя ли у васъ остановиться на короткое время: покормить коня и обогрѣться. «Остановись, остановись!» сказала она ласкаво. Я слѣзъ съ коня, поставилъ его къ сѣну, а самъ вошелъ

въ комнату и сѣлъ поконецъ стола. Мать долго со мною разговаривала, дочь же только краснѣла и бѣлѣла, не зная, что это значитъ, что я сдѣлался уральцемъ. А что хозяйка, сказалъ я громко, обращаясь къ матери: нѣтъ-ли у тебя чего закусить? «Какже есть! Наташа подай жаренаго поросенка?» сказала она. Я попробовалъ немного, потомъ и говорю: что это за поросенокъ, развѣ это поросенокъ? У насъ развѣ такіе на Уралѣ поросята?! «Поросенокъ, служивый, хорошій! развѣ можетъ поджарился дюжа?» Поджарился! говорю я: онъ видно дохлый! «Ну ужъ нѣтъ, служивый, мы дохлыхъ поросятъ не ѣдимъ, сохрани Богъ! У насъ прошлый годъ мышь упала въ кадушку съ соленою капустой, мы и то не стали ѣсть, всю свиньямъ повыбросали». Нѣтъ-ли еще чего? спрашиваю я: я голоденъ, какъ собака! просто такъ животы и подвело, ажно тошнитъ! «Наташа достань ему тамъ гуся!» говорила теща. Взявши гуся, я говорю: гусь ничего! душа моя можетъ его принять! А нѣтъ ли у васъ водки? вѣдь гусь плавалъ по водѣ—его нельзя ѣсть насухо, сухая ложка, вѣдь, ротъ деретъ! У насъ на Уралѣ всякій парнишка это знаетъ... «Наташа, поди принеси косушку водки; скажи кабатчику, что какъ продадимъ гусиныя перья, такъ и отдадимъ». Выпивши косушку, я притворился пьянымъ, закричалъ и застучалъ объ столъ кулаками: дай водки! дай водки! Что это, на смѣхъ? только губы помазать! Ты еще не знаешь, какъ надо угощать казака? вотъ я тебя научу! вотъ ты будешь знать! я тебѣ всѣ горшки побью и всѣ тарелки!... «Что ты за чертъ?» говоритъ она: «вотъ разъѣхался! Пусти свинью за столъ, а она и ноги на столъ! Откуда тебя сатана принесъ? уѣзжай скорѣй, чтобы я тебя рогачемъ не попѣстывала!» А это что? говорю я, показывая на шашку: развѣ у тебя крѣпко голова приросла къ плечамъ?... «Я пожалуюсь приказному; онъ тебя за конвоемъ отправитъ въ станицу; ты, видно, какой-нибудь Сибирный бродяга!» Призывай! кричу я. Ты думаешь, я твоего приказнаго побоюсь? Меня отсюда самъ

войсковой атаманъ не выведетъ! Ты изъ дому меня можешь выгнать, но съ земли не можешь согнать! Тутъ я сѣлъ на землю, поджавши ноги, и говорю: хата твоя, а земля Государева, а я за Государя умиралъ и кровь проливалъ! ты меня не смѣешь прогнать! а самъ и затянулъ:

Распроклятая косушка,
Развеселый полуштофъ;
Сы косушки пьянъ не будешь,
Съ полуштофа разберетъ....

«Господи, Николай Чудотворецъ, за что ты меня такимъ родимцемъ наказалъ?» говорила теща. «Видно мнѣ все это бѣда за желтаго кобеля. Что жъ я буду дѣлать? что-жъ я буду дѣлать?» А я все сижу и кричу, что есть духу, а самъ думаю: баба ты, глупая ты баба; волосъ у тебя длиненъ, да умъ коротокъ! Наконецъ я вижу, что она въ слезы, дочка тоже, и рѣшился кончить шутку и начать дѣло. Вставши, подшелъ къ ней и признался во всемъ. Долго она на меня сердилась, но потомъ смиловалась, дѣло уладилось, и черезъ мѣсяцъ я женился. Послѣ женитбы, спрашиваю тещу, о какомъ это она желтомъ кобелѣ говорила. «Это у насъ,» говоритъ, «былъ желтый кобель. Встали мы разъ утромъ, хватились въ кухню, а тамъ двери прогрызены и все масло, которое стояло тамъ въ поливаномъ горшкѣ, выѣдено. Я подумала, что это нашъ кобель наработалъ, взяла и задушила его на вербѣ. А послѣ, на другой день мы и захватили тамъ сосѣдскую собаку. Тутъ мнѣ такъ жалко стало кобеля, что я его напрасно задушила. и такъ все у меня сердце болѣло. Тогда жилъ у насъ въ хуторѣ какой-то странникъ монахъ. Онъ всѣхъ исповѣдывалъ и лечилъ. Я покаялась ему въ этомъ; а онъ мнѣ и говоритъ: «Если ты чувствуешь за собой этотъ грѣхъ, то постись въ недѣлю три дня.»—«Да какже, батюшка, вѣдь это трудно, мы люди рабочіе, это тяжело.»—«Ну

два дня.»—«Да и два дня, батюшка, тяжело.»—«Ну прощай, сказалъ онъ сердито, и пошелъ въ другую комнату. Я и осталась, какъ ракъ на мели; пождала, пождала да и пошла. Такъ и остался этотъ грѣхъ у меня на душѣ.»

IX.

Насталъ вечеръ; всѣ убрались, помолились Богу, сѣли, «чтобы было счастье,» и потомъ, вставши, опять помолились и отправились къ двору казака Сидора Корыгина. Старуха Ивана Өедоровича, идучи сзади, все шептала молитвы.

Сидоръ Григорьевичъ Корыгинъ извѣстенъ во всей Р. станицѣ, какъ самый почтенный человѣкъ. Богатство, умъ и преклонные лѣта—все даетъ ему право на общее уваженіе. Разбогатѣлъ онъ, какъ и многіе изъ казаковъ, во время двѣнадцатаго года. Онъ самъ разсказывалъ объ этомъ такъ: Напали мы разъ всѣмъ своимъ полкомъ на французскій обозъ. Долго шла у насъ перестрѣлка; наконецъ мы бросились на пики—и эскадронъ французской гвардіи, защищавшій обозъ, былъ опрокинутъ и переколонъ. Мы всѣ бросились шарить по возамъ: нѣтъ-ли чѣмъ поживиться? Я подбѣжалъ верхомъ къ возу, который былъ поставленъ на полозья, и былъ полонъ накладенъ всякой всячины: бечёвокъ, казановъ, сумокъ, кулей и проч. Надъ нимъ стоялъ французъ, худой и блѣдный, какъ видно раненый, съ подвязанною на темлякъ рукою. Я, подбѣжавши къ возу, и увидѣвши, что изъ подъ кулей и веревокъ виднѣлись гарусныя перемётныя сумы, сталъ говорить французу знаками и показывая шашкою, чтобы онъ подалъ мнѣ ихъ. Но онъ или не могъ разобрать, или нарочно притворялся, но только сумы не подавалъ, а всё то подаетъ веревку, то котелокъ, то сумку съ сухарями. Я разсердился, ударилъ его по головѣ шашкой—и онъ молча упалъ на снѣгъ, захвативши голову руками. Я слѣзъ съ коня,

вытащилъ сумы, вижу тяжело, заглянулъ—золото! Я скорѣй повѣсилъ ихъ на коня и поспѣшно, чтобы никто изъ товарищей не замѣтилъ, спустился въ балку. Тамъ разостлалъ бурку, высыпалъ съ обѣихъ сумъ и гляжу. Вдругъ, не успѣлъ я обернуться, какъ откуда не возмись русакъ — шуба на немъ вся изодранная, шапка сшита изъ какихъ-то шкуратковъ и тряпокъ—подошедши ко мнѣ сзаду, и увидѣвши на буркѣ кучу золотыхъ, онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, бросился къ нимъ, схватилъ руками и ртомъ сколько только могъ схватить, упалъ на нихъ грудью и лежитъ. Я стараюсь его свернуть, разжимаю ему руки, чтобы отнять деньги, бью что есть силы кулаками по головѣ, но онъ лежитъ какъ камень и кричитъ: «Хоть убей, не устану!» Я что дѣлать? думаю, какъ бы еще кто не подвернулся. Взялъ его за лапти, стащилъ съ бурки, говоря: нехай ужъ остается тебѣ, что зацѣпилъ: разживайся! а самъ скорѣе кой-какъ всыпалъ опять въ сумы, перевѣсилъ черезъ коня и поѣхалъ. Пришедши домой, я отослалъ ихъ въ Черкаскъ—тогда объ этомъ объявляли—думалъ, что пропадутъ; нѣтъ, черезъ два года выслали мнѣ сорокъ тысячь русскими деньгами, вмѣсто французскихъ.»

Не смотря на серіозный и степенный характеръ, Сидоръ Григорьевичъ чрезвычайно любилъ бывать на кулачкахъ и на вечеринкахъ, гдѣ на рззные манеры веселятся молодые казаки и казачки. Семейство его было прежде большое: у него было семъ сыновъ и дочь; но шесть его сыновъ одинъ за другимъ были убиты въ послѣднюю турецкую войну, а жены ихъ повыходили за другихъ мужей. Теперь у него только жена, дочь, сынъ съ женой и два внука. Жену его звать Прасковья Тарасьевна. Не смотря на безграмотность, она очень умная женщина. Печаль по убитымъ сыновьямъ положила грустный отпечатокъ на ея характеръ, и это придаетъ ея личности необыкновенную привлекательность. Всѣ преданія, всѣ дѣла и подвиги Донскихъ казаковъ извѣстны ей какъ нельзя лучше. Причиною такой ея развитости было то, что она—дочь есаула, который

былъ человѣкъ умный и бывалый. «Мы сами въ городахъ бывали,» говорилъ бывало ея отецъ. И точно, гдѣ онъ не бывалъ? Персія, Грузія, Кавказъ и Турція, ему были хорошо извѣстны. Онъ былъ даже въ Парижѣ и прошелъ всю Нѣметчину, какъ онъ самъ выражался. О Парижѣ отъ разсказывалъ много чудесъ; но чаще всего, хватаясь за поясницу, говорилъ: «Вотъ какъ непогодъ, такъ и болитъ кабарга. До самой смерти, видно, буду помнить я Парижъ. Пришлось разъ, въ бытность тамъ, хватить съ товарищами, и ну на выпередки по мощеной камнемъ улицѣ; у меня подпруга и перервись, я и полетѣлъ черезъ голову, и прямо на замокъ ружья.» О Нѣмцахъ же разсказывалъ: «Это всё народъ негодный и ни къ чему не способный. Ни то, на что другое, даже и водки-то не могутъ пить какъ слѣдуетъ; выпьетъ такую рюмочку, какъ наперстокъ и уже пьянъ. Наши противъ нихъ просто богатыри! Бывало остановишся гдѣ-нибудь на квартирѣ и говоришь: хозайка, нука дай кварту водки! Она подаётъ и думаетъ: «Что это онъ, ужъ не думаетъ-ли собрать въ мою хату всю свою сотню?» А ну подай, хозяйка, говоришь ей, чайный стаканъ! Та, подавши, смотритъ и думаетъ: «Посмотрю, что казакъ будетъ дѣлать этимъ стаканомъ?» Ты нальешь и однимъ духомъ вытянешь его весь. Она испугается и въ ужасѣ бѣжитъ и собираетъ всѣхъ своихъ сосѣдей: «Ахъ, люди добрые, избавьте меня отъ бѣды, идите глядите: сейчасъ у меня будетъ умирать казакъ отъ водки: вылопалъ цѣлый чайный стаканъ!» Собирется множество народа, и смотрятъ во всѣ окна и двери той комнаты, гдѣ ты сидишь. Глядишь кругомъ и вездѣ видишь то лице молодой и проворной нѣмки, то высокаго и худаго нѣмца. Тутъ нарочито еще, нальешь и равнодушно выпьешь, какъ воду. Они такъ и всплеснутъ руками. «Боже мой, Боже мой!» говорятъ они, вытаращивши глаза. Осушивши всю кварту, скажешь: а что хозяйка есть у тебя обѣдъ? Какъ бы это немного закусить, ѣсть хочется ажъ кожа болитъ! Давай-ка сюда всё; всё, что есть въ печи, все на столъ

мечи. Хозяйка подаетъ, а сама и глазъ не спускаетъ и думаетъ: «Вотъ упадетъ казакъ и умрётъ.» Но нѣтъ, попріѣшь у ней всё да и ляжешь на бокъ. Еще и спрашиваешь: а что, хозяйка, ты знаешь, или нѣтъ: отчего казакъ гладокъ? «Нѣтъ, не знаю!» говоритъ она, тряся головою, и приподнявши брови. А оттого, что онъ наѣлся да и на бокъ! «Какъ ужъ казаку и не быть гладкимъ?» говоритъ она, уходя и сквозь зубы: «всё, стерва, попріѣлъ! и голодной собаки не чѣмъ выманутъ изъ дому!»

X.

Сидоръ Григорьевичъ сидѣлъ передъ столомъ, который былъ застланъ бѣлою скатертью. На скатерти лежала булка и стояла солонка съ солью. Прасковья Тарасьевна сидѣла на припечкѣ, надъ входомъ на печь; а надъ нею стоялъ ея внукъ лѣтъ шести, котораго она гладила по головѣ.

Въ это время на крыльцѣ послышался шумъ, и Кудиновъ показался въ отворившихся дверяхъ; за нимъ шелъ Иванъ Ѳедоровичъ, потомъ его жена, а потомъ Сержалинъ замыкалъ шествіе. Старуха Ивана Ѳедоровича старалась какъ бы не ступнуть лѣвою ногою впередъ въ комнату или не зацѣпить за порогъ; а вошедши, она посторонилась незамѣтно къ печи и толкнулась объ нее двумя пальцами. Это много значило, по ея мнѣнію.

Помолившись Богу, и поздоровавшись съ хозяевами, гости по приглашенію сѣли. Кудиновъ, сѣвши поконецъ стола, шутливымъ тономъ началъ: «Мы люди чужестранные, пріѣхали изъ дальней стороны... Проѣхали три царства, четыре государства; ѣхали куда путь лежитъ, куда звѣрь бѣжитъ, куда птица летитъ...» Говорилъ онъ долго; смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что они проѣхали весь свѣтъ и вездѣ имъ было море по колѣно, и они дѣлали, что хотѣли. «А ѣдучи мимо вашего двора, мы ни думанно, ни гаданно, увидѣли слѣдъ ни то куницы, ни то крас-

ной дѣвицы... А эта исторія уже съ нами была: и у Турецкаго султана, и у Персидскаго шаха, и у Шведскаго короля». И началъ подробно разсказывать, какъ это все случилось. Понёсъ околёсную!» говорилъ сынъ Сидора Григорьевича, стоя надъ притолкою у самыхъ дверей въ другую компату. «Всё вѣдь какъ ловко брешетъ!» Кудиновъ же, съ достоинствомъ продолжая разсказывать свои похожденія, вынулъ изъ обоихъ кармановъ по штофу, поставилъ ихъ на столъ; вынулъ потомъ рюмку, налилъ ее—выпилъ самъ и, беспрестанно говоря, понесъ всей компаніи. Сидоръ Григорьевичъ по временамъ распытывалъ и предлогалъ вопросы на счетъ какого-либо обстоятельства. Остальная компанія сидѣла вся молча...

Когда рюмка обошла всѣхъ раза три, то разговоръ незамѣтно перешелъ въ прямой. Иванъ Ѳедоровичъ объявилъ, кто у него есть въ семействѣ, какое у него хозяйство... Подъ конецъ разговора, рѣшено было обѣими сторонами отложить до утра.

XI.

На другой день утромъ, вчерашніе гости опять явились къ Корыгинымъ; не доставало только Кудинова, который куда-то уѣхалъ. Дѣло уладилось. Позвали жениха, свели съ невѣстой—и спросили ихъ согласія. Женихъ отвѣчалъ: «Согласенъ»; а невѣста: «Я съ вашей воли, батенька и маменька, не выхожу» Послѣ этого ихъ поблагословили и велѣли поцѣловаться. При этомъ старуха Ивана Ѳедоровича, невѣста и мать ея плакали, закрывшись передниками.

«Давайте жъ помѣняемся хлѣбомъ-солью!» сказалъ Сидоръ Григорьевичъ и, взявши со стола пирогъ, подалъ Ивану Ѳедоровичу. Тотъ поцѣловалъ его и, передавши старухѣ, взялъ у ней свой, который она вытащила изъ подъ полы, и отдалъ Сидору Григорьевичу, говоря: «Возмите и нашу хлѣбъ-соль!» Сидоръ Григорьевичъ взялъ, поцѣловалъ и положилъ на столъ.

* * *

Жениху велѣно было идти домой, а вечеромъ приходить на вечеринки. Невѣста пошла его провожать. Вышедши съ нею на дворъ, онъ укрылъ ее полою шинели, которая была у него накинута на плечи... Долго они разговаривали, стоя такимъ образомъ; потомъ поцѣловались и разошлись.

Старики, оставшись въ комнатѣ, сѣли за столъ. Поставлена была закуска на оловянной тарелкѣ, состоящая изъ жареной баранины. У Ивана Ѳедоровича оказалось въ каждомъ карманѣ по штофу водки.

«Въ старину всё дѣлалось проще», говорилъ Сидоръ Григорьевичъ: «и народъ былъ тогда простѣй. Вотъ у насъ въ хуторѣ теперь развѣ такъ живутъ между собою, какъ жили прежде: то злятся, то завидуютъ одинъ другому; а прежде этого и въ поминѣ не было. Еще недавно, лѣтъ десять тому назадъ, бывало никогда отдѣльно никто не работаетъ; пашутъ-ли, сѣютъ-ли, жнутъ, или сѣютъ бакши — всегда соберутся всѣмъ хуторомъ да одному всё отдѣлаютъ, потомъ другому, третьему, и не считаютъ у кого работы больше, а у кого меньше. За то какъ кипѣла работа и какъ весело было работать! Даже и свадьбы, развѣ такъ онѣ игрались въ наши времена? Не было никакихъ церемоній: прямо за руку да въ церковь. За то какъ начнутъ гулять, такъ держись—веселѣй тогда было! Поднимется вся станица, стрѣльба, скачка, драка! А въ домѣ не останется подъ конецъ свадьбы ни кодушки, ни горшка, ни чугуна — все перебьютъ, останутся одни черепки да щепки!» — «Мой покойникъ батюшка разсказывалъ», говорилъ Иванъ Ѳедоровичъ: «что прежде было такъ, что совсѣмъ и не вѣнчались въ церкви. Кому если понравится невѣста и согласится выдти, то онъ выведетъ ее, когда соберутся казаки въ кругъ, и скажетъ: «Мнѣ понравилась эта дѣвушка, и я хочу, что-бы она была моею женою».—«Согласна ли ты?» спрашиваетъ кругъ. «Согласна!» отвѣчаетъ. «Добрый часъ!» закричатъ всѣ. Тогда женихъ накрываетъ невѣсту полой и уводитъ къ себѣ. Когда

разлюбятъ одинъ другаго, то выходятъ опять въ кругъ, и мужъ говоритъ: «Эта женщина была моею женою, но я теперь не хочу ее!» Тогда жена отходитъ отъ него, а другой казакъ, если такой найдется, подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, покрываетъ полой и проситъ, чтобы ему позволили взять ее женою.» — «Это было такъ, но очень давно. Въ наше же время женили дѣтьми; меня самого женили на четырнадцатомъ году; тоже и старухѣ моей было лѣтъ двѣнадцать или тринадцать», говорилъ Сидоръ Григорьевичъ. «Я вѣдь выросъ въ К. станицѣ, а въ эту присталъ въ зятья къ покойному есаулу Левонтинову. Такъ ужъ Богъ привелъ; если бы батюшка былъ живъ, то никогда бы этого не случилось... Мы жили достаточно, но въ одну зиму случился падежъ; скотина у насъ вся позаболѣла на ноги. Мы ее всё кормили немолоченымъ хлѣбомъ въ стогахъ; но къ веснѣ у ней во всёй поотпадали раковины, и она подохла. Мы остались и безъ хлѣба и безъ скотины. Тутъ скоро батюшка умеръ и матушка наша осталась съ нами шестерыми. Тесть служилъ съ батюшкой въ одномъ полку; узнавши, что онъ умеръ, и случайно увидѣвши меня, онъ наказалъ черезъ людей матушкѣ, не согласится ли она отдать меня къ нему въ зятья. Матушка, услышавши объ этомъ, рада была безъ памяти. Прибравши время, она запрягла воловъ, насильно посадила меня на возъ и повезла. Я всё пручался и хотѣлъ соскочить съ воза. За это она нѣсколько разъ выдрала меня за волоса; отчего я долго плакалъ; потомъ заснулъ подъ полетью, и проспалъ всю дорогу. Когда она меня привезла, то ввела въ домъ и посадила на лавку; а сама стала разговаривать съ хозяевами. Я глянулъ на кровать и увидѣлъ: на кровати сидитъ невѣста. Она была одѣта въ синюю шубку, на подобіе кубилека, края которой и подолъ были оторочены штофомъ. На головѣ у ней была кичка съ маленькими рожками, а на ногахъ козловые сапоги. Когда я на неё глянулъ, то она въ это время тоже глядѣла на меня прямо и быстро. Матушка долго говорила съ тестемъ и тещей, пи-

ли они и водку. О чемъ у нихъ шла рѣчь—я ничего не понялъ. Когда они кончили, то матушка посадила меня на возъ и уѣхала домой. Зимою опять матушка, попросивши съ собою двухъ своихъ сестеръ и племянника, только что пришедшаго со службы, повезла меня туда же. Когда мы пріѣхали, то на этотъ разъ тамъ ужъ много было гостей. Насъ съ невѣстой убрали и повели вѣнчать. Невѣста была въ томже нарядѣ, въ какомъ я ее увидѣлъ въ первый разъ; только сверху была надѣта шуба, крытая панкою. На меня же надѣли желтый станичный зипунъ. Тогда всѣхъ вѣнчали въ одномъ зипунѣ. Такъ онъ и висѣлъ въ станичномъ правленіи; какъ кого вѣнчать, то его берутъ и надѣваютъ, а перевѣнчавши опять снимаютъ и вѣшаютъ. Для меня зипунъ былъ длиненъ и широкъ; почему полы мнѣ подтыкали, а рукава подобрали, такъ-что складки были па самыхъ локтяхъ. Когда насъ перевѣнчали и вели домой въ вѣнцахъ, то у меня пола и ототкнись, а я на нее и сталъ наступать ногами, и чуть не падалъ. Тетушка покойница и кинься на ходу подтыкать мнѣ полу; я почему-то пришелъ отъ этого въ гнѣвъ и махнулъ рукою; рукавъ опустился и сталъ до самой земли, такъ-что я не могъ и руки поднять. Тутъ ужъ видятъ, что дѣло плохо, остановили насъ и, обступивши кругомъ, и убравши меня какъ слѣдуетъ, потомъ ужъ продолжали путь. Привели насъ домой, и поднялась гульба. Явились бубны, скрыпки, тарелки; поднялась вся станица и заревѣла рёвомъ. Двѣ недѣли были всѣ какъ одурѣлые, такъ-что во всей станицѣ скотина было подохла съ голоду, потому что не кому было дать ей корма: всѣ и старый и малый были на нашей свадьбѣ».

«Я помню вашего тестя,» сказалъ Иванъ Θедоровичъ. «Когда я еще былъ парнемъ лѣтъ семнадцати, то случился голодный годъ, батюшка и найми меня на поромъ... Разъ я перевезъ старуху; она за трудъ дала мнѣ пышку, и я сижу и ѣмъ. Идетъ вашъ тесть съ удочками: «Э, братъ, ты не такъ ѣшь!» говоритъ онъ. «Развѣ такъ ѣдятъ? Вотъ дай-ка!» Я отдалъ.

«Ты ѣшь вотъ такъ! вотъ такъ!» говоритъ онъ, кусая пышку то съ той, то съ другой стороны. «Что видѣлъ?» сказалъ онъ, съѣвши всю. «Чего же ты такъ косо смотришь?» Утерся на обѣ стороны, взялъ удочки, положилъ на плече и ушелъ... А въ другое время стоитъ онъ у себя въ дворѣ и видитъ, что калмыкъ, который стоялъ кибиткой недалеко отъ станицы, скачетъ, какъ одурѣлый, съ бугра на бугоръ «Что это скачетъ калмыкъ, какъ бѣшеный? видно потерялъ лошадей!» сказалъ онъ; потомъ со всей мочи сталъ кричать: «Кунакъ! ку-накъ! поѣзжай сюда, поѣзжай сюда!» и замахалъ рукою. Калмыкъ, услышавши его голосъ, повернулъ коня и во весь духъ пустился къ нему. Подскакавши, онъ снялъ шапку. «А что, кунакъ, ты такъ умѣешь?» сказалъ вашъ тесть, а самъ пальцемъ объ губу: «брунь, брунь!» Калмыкъ плюнулъ и поскакалъ назадъ, надѣвая шапку.»—«Съ другимъ калмыкомъ,» сказалъ Сидоръ Григорьевичъ: онъ еще не такую штуку сыгралъ. Ѣдетъ онъ разъ мимо его двора. «Кунакъ, поѣзжай сюда!» закричалъ онъ ему. «Ской далеко ѣздилъ? Будешь ѣсть кисель? Слѣзай съ коня! Старуха, неси сюда кисель!» Теща сняла съ очага котёлъ съ киселемъ, который былъ горячій, какъ огонь. «Понеси сюда и большую ложку!» Калмыкъ слѣзъ и подшелъ. «Ну,» говоритъ, «держи руки!» Потомъ, зацѣпивши ложкой половину котла: «На!» говоритъ, и—шлепъ ему въ пригоршни! Калмыкъ сначала запрядалъ, потомъ сталъ переминать, ногами: то на одну станетъ, то на другую, и кисель то на одну руку броситъ, то на другую. Наконецъ не выдержалъ, бросилъ кисель на землю, замахалъ руками и закричалъ: «Будь ты проклятъ! пху!» вскочилъ на лошадь, замоталъ ногами и ускакалъ, какъ опечёный. Что-жъ, вѣдь на другой день укралъ каурую кобылу; такой подлецъ!...»

При прощаніи хозяинъ говорилъ: «Прощайте, любезные сваты! Ждите насъ къ себѣ въ гости. Мы съ старухою въ буду-

щій праздникъ нагрянемъ къ вамъ, смотрѣть ваше житьё-бытьё.»

Вечеромъ хуторъ Л. огласился пѣснями; поднялся шумъ въ разныхъ мѣстахъ, заиграли балалайки и гармоніи. Это начались вечеринки. Корыгинъ домъ и дворъ всю ночь были полны гостей и молодыхъ и старыхъ.

XII.

Пріѣхавши домой, Иванъ Ѳедоровичъ велѣлъ поприбрать въ обоихъ домахъ. Въ хозяйствѣ также всё было приведено въ порядокъ.

Въ слѣдующій праздникъ, рано утромъ, въѣхала въ Меркуловъ дворъ повозка; на ней сидѣлъ Сидоръ Григорьевичъ и Прасковья Тарасьевна. Андрей бросился выпрягать и прибирать коня. Сваты поздоровались: каждый снялъ шапку, взявши ее за макушку: «Добраго здоровья, любезные сваточки!» — «Добраго здоровья, добраго здоровья!»

Иванъ Ѳедоровичъ показывалъ свату и свахѣ всё свое хозяйство; водилъ по своимъ садамъ, левадамъ и скотнымъ базамъ. Они были довольны и послѣ усерднаго угощенія и переночевавши, отправились домой.

Рукобитье договорились играть на Покровъ, а самую свадьбу на Крещеніе. Между этимъ временемъ жениху предоставлено было ѣздить къ невѣстѣ на вечеринки, о которыхъ онъ долженъ былъ уговориться съ невѣстой.

XIII.

Когда пришелъ праздникъ, въ который должны были быть первыя вечеринки, то женихъ еще заблаговременно поприглаcилъ всѣхъ своихъ товарищей. Всѣ они приготовились: сѣдла,

ружья, кони — всё было приготовлено. У кого чего не было, тотъ добылъ у другихъ для этого случая. Напрошено было также много дѣвушекъ и молодыхъ казачекъ... Всѣ собирались; на дворѣ въ это время стояло три повозки, запряженные лошадьми, на которыхъ должны были ѣхать дѣвушки и казачки. Ребята же каждый прiѣхалъ верхомъ; женихъ тоже осѣдлалъ себѣ коня. Дорогой они стрѣляли изъ ружей, скакали навыпередки, черезъ яры и кусты терна и колючекъ. А дѣвушки и казачки пѣли пѣсни. Пѣли напримѣръ:

«Да Андрюшка Ивановичъ
Коника сѣдлая,
Къ Аленушкѣ и къ Сидоровнѣ
Пословъ посылая:
Да стелите ковры,
Да метите дворы —
Къ вамъ гости будутъ!».....

«Теща зятя въ гости ждала,
Коврами дворъ стлала,
Коврами, бобрами,
Черными соболями»....

Квартира жениха была у казака Сержалина.

XIV.

Вечеромъ невѣста съ подругами пошла просить къ себѣ весь хуторъ. Сопровождавшiя ее дѣвушки, идучи отъ двора ко двору, играли пѣсни. Вскорѣ ихъ общество увеличилось выпрошенными казачками и ребятами всѣхъ возрастовъ, начиная съ двухлѣтняго. Поднялся ужасный крикъ и лай собакъ. Ребята, страшною толпою слѣдуя сзади дѣвушекъ, и оставаясь на дворѣ въ

то время, когда онѣ входили въ домъ, во всё горло пѣли пѣсни танцовали навприсядки, кричали, ломали плетни и дрались.

Вошедши въ домъ и поздоровавшись, невѣста отдѣлялась отъ своихъ подругъ, подходила къ хозяевамъ, кланялась въ ноги и говорила: «Дядюшка и тетушка» или: «дѣдушка и бабушка, пустите своихъ на вечеринки.» При этомъ она отъ всякаго выслушивала или похвалу, или порицаніе своему жениху. «Тебя просватали за Меркулова» — говорилъ казакъ Позументовъ — «парень хорошій, молодецъ! Прошлою зимою я былъ въ станицѣ, случились тамъ кулачки—я бросился, чертъ меня дернулъ на старости, и наскочи какъ разъ на него; онъ меня какъ схватилъ за волоса, какъ началъ чистить—и такую голгырю набилъ на головѣ, что я цѣлую недѣлю ходилъ съ рогомъ!.... Анюта!» крикнулъ онъ въ другую комнату: ты слышишь тебя зовутъ на вечеринки! Убирайся, иди! Веселитесь, только и вашего, чтобы вамъ было чѣмъ вспомнить свою волю дѣвичью!»

Когда дѣвушки были собраны и приведены невѣстой домой, то онѣ посадились за столъ и полавкамъ. Изъ казаковъ и ребятъ только нѣкоторые вошли въ комнату; остальные стояли, сидѣли и лежали въ чуланѣ, на крыльцѣ и на дворѣ. Вскорѣ пришелъ женихъ въ сопровожденіи всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ. Невѣста, окруженная подругами, стояла въ это время въ дверяхъ, надъ поставомъ, гдѣ позатыканы были цвѣты разныхъ сортовъ, лежали и стояли тарелки, чашки, чашечки и прочее. Вошедши, женихъ помолился Богу, повернулся назадъ, раздвинулъ дѣвушекъ, поцѣловался съ невѣстой и, взявши ее за руку, повелъ за столъ Всѣ присутствующіе подходили къ жениху и невѣстѣ, цѣловали ихъ и потомъ садились по мѣстамъ.

У жениха подъ шинелью оказался большой узелъ. Въ немъ было двѣ бутылки водки, гармонія, орѣхи и пряники. Водка для гостей, а всё остальное въ гостинецъ невѣстѣ. Онъ, вынувши его изъ подъ полы, положилъ въ уголъ подъ иконы.

На столѣ стояла тарелка, наполненная сѣмечками. Нѣкоторые изъ сидѣвшихъ за столомъ ребятъ протягивали руки къ ней и, набравши горсть сѣмечекъ, грызли ихъ, не обращая никакого вниманія на другихъ; другіе же глядѣли по сторонамъ во всѣ глаза...

XV.

«Что жъ вы, бабы, зажурились? нехай кобыла журится—у ней голова большая!» сказалъ казакъ, сидѣвшій около постава съ балалайкой въ рукахъ, обращаясь къ казачкамъ, которыми была наполнена вся комната. При этомъ заигралъ на балалайкѣ и запѣлъ:

«Ахъ, бѣда-ль моя, бѣда-ль моя,
Ахъ, бѣда моя ты великая;
Что зовутъ меня не дѣвушкой,
Не дѣвушкой, не молодушкой.
Я сы вечера то дѣвица,
Сы полуночи молодушка,
Кы бѣлу свѣту хозяюшка,
Черезъ сорокъ недѣль матушка.»

Пѣсни стали пѣться одна за другою. Иногда пѣлась плясовая; тутъ вся комната, чуланъ и крыльцо начали танцовать; со всѣхъ сторонъ слышались балалайки и гармоніи, стѣны дома тряслись, а на поставѣ чашки и тарелки гремѣли и стучали.

На дворѣ въ это время тоже веселились. Чего только тамъ не было? Боролись, плясали, дрались, гдѣ одинъ на одинъ, а гдѣ толпа на толпу, и пѣли. Большая толпа казаковъ и старыхъ и молодыхъ стояла около крыльца и за заводчикомъ, который стоялъ въ рединѣ съ ложками и бубенчиками, во весь голосъ пѣла:

«Распосѣю свое горе
По чистому полю.
Уродися мое горе
Ни рожъ, ни пшеница,
Ни рожъ, ни пшеница —
Трава зеленая;
Трава, трава зеленая
Съ алыми цвѣтами!
Не ходи казакъ кудрявый
Мимо мого саду;
Не топчи казакъ кудрявый
Ты мого посаду
Я не для тебя садила,
Не для тебя поливала;
Для кого я поливала,
Того обнимала.
Я сама посадъ садила,
Сама поливала.
Я садила, поливала,
Животъ надрывала;
Животъ-сердце надрывала,
Друга проклинала.»

XVI.

Женихъ, вынувши изъ подъ «святыхъ» бутылку съ водкой и рюмку, кивнулъ одному изъ своихъ товарищей и, подавая ему сказалъ: «Братъ Кузьма, потрудись поднести!» Тотъ, взявши, сталъ наливать; подносилъ, начиная съ жениха и невѣсты. Каждому кланялся, выгиная спину и шею, а голову поднимая и закидывая назадъ; при этомъ быстро глядѣлъ каждому въ глаза и, поднося рюмку къ самому носу, отривисто говорилъ: «Извольте выкушать!»

Многіе изъ казаковъ и казачекъ, выпивая, кривились и, махая головою, говорили: «У, да и горькая же! А ну, Андрей Ивановичъ и Алёна Сидоровна, подсластите!» Женихъ и невѣста цѣловались. Начиная пить, они опять кривились: «Нѣтъ, еще дюже горько!» Тѣ цѣловались въ другой разъ. «Теперь сладко!» говорили казачки.

XVII.

Начались разныя игры. Первая игра была «въ короля.» Всѣ поклали руки на столъ кучей, и вынимали ихъ по одному, начиная снизу. Одинъ приговаривалъ. На кого приходилось последнее слово приговора «король», тотъ и былъ имъ. Къ нему всѣ обращались поодиночкѣ, говоря: «Король, король я твоей милости слуга!» — «Что ты мнѣ за слуга?» — «Что прикажешь, то буду исполнять!» — «Надери съ этой барышней лентъ!» говорилъ король, указывая на какую-нибудь дѣвушку. Та выходила. Парень подходилъ къ ней, бралъ за обѣ руки и, сводя ихъ вмѣстѣ, потомъ разводя врозь, съ большимъ усердіемъ цѣловалъ ее въ губы. Повторивши это нѣсколько разъ, дѣвушка шла къ королю, цѣловала его и говорила: «Король, довольно?» — «Нѣтъ, еще!» говорилъ король. Тѣ продолжали. «Ну, а теперь довольно?» говорила дѣвушка, цѣлуя опять короля. «Довольно!» говорилъ онъ или говорилъ опять: «Нѣтъ, отрѣжте еще жениху съ невѣстой!» или: «вонъ тому кавалеру и вонъ той барышнѣ!...» Другаго король заставлялъ печь блины. Онъ бралъ назначенную дѣвушку за руку, билъ своею рукою объ ея и цѣловалъ. Блины также носили и королю, и всѣмъ, кому онъ приказывалъ. Третій парень получалъ обязанность всѣхъ цѣловать. Онъ ходилъ по всѣмъ и обнималъ каждаго; при чемъ часто отпрядывалъ въ сторону, больно кѣмъ-нибудь укушенный; а возвращался на мѣсто весь искусанный до крови.

Другая игра была «въ сосѣда». Посадились парами; каждый парень сидѣлъ рядомъ съ дѣвушкой и называлъ ее сосѣдкой. Одна пара сѣла поконецъ стола, и когда всѣ усѣлись, то сосѣдъ всталъ и, подходя къ каждой парѣ и обращаясь къ дѣвушкѣ, говорилъ: «Сосѣдка, довольна сосѣдомъ?» — «Довольна сосѣдомъ и вами, и вашею сосѣдкою, и всѣмъ сосѣдствомъ» — «Нука исполните свое удовольствіе!» — «Нѣтъ, вы исполните!» Онъ тогда оборачивался и цѣловалъ свою сосѣдку. Спрошенная цѣловалась съ своимъ сосѣдомъ; тоже дѣлали и всѣ пары. Когда сосѣдка говорила, что не довольна сосѣдомъ, то онъ бралъ ее себѣ, а свою давалъ ея сосѣду. Послѣ него вставала его сосѣдка и точно также спрашивала всѣхъ сосѣдовъ.

Въ другой комнатѣ казакъ нарядился дѣдомъ: надѣлъ порватый зипунъ, за спину, чтобы былъ горбъ, напхалъ пакли и лоскутовъ, а къ лицу привязалъ бороду изъ бѣлой овчины. Потомъ налилъ въ черепокъ воды и размѣшалъ тамъ сажи, набравши ее изъ трубы; привязалъ на палочку лоскутъ, въ родѣ мазничнаго квача; а къ потолку привѣсилъ краюшку твердаго пирога, привязавши на ниточку; самъ сѣлъ передъ нимъ и въ одной рукѣ держалъ черепокъ, а въ другой квачь, омоченный въ сажу. Къ нему подходили казаки и казачки, взявши чаплю, кочергу или рогачь, и, положивши между ногъ, какъ будто ѣхали верхомъ на лошади, говорили: «Дѣдо-дѣдо, я къ тебѣ ѣду!» — «А зачѣмъ?» щепеляво говорилъ дѣдъ, стараясь показать, что у него нѣту зубовъ. — «Хлѣба соли кушать, твоей милости слушать!» — «Милости прошу! только рукъ не протягай, носа не утирай! ѣшь не оскаляйся, слушай не усмѣхайся!» Подъѣжавшій или подъѣхавшая начиналъ ловить кусокъ губами, стараясь не показать зубъ. Въ противномъ случаѣ это считалось дѣдомъ за оскорбленіе; онъ вскакивалъ съ мѣста, топалъ ногами, хваталъ своего гостя за волоса или за колпакъ, билъ квачемъ и мазалъ сажею лице... Вотъ подъѣхалъ на кочергѣ казакъ, въ военной шинели, высокій и толстый. Поговоривши съ дѣдомъ, онъ, съ

раскраснѣвшимся лицемъ и изъ подлобья глядя на дѣда, началъ... «Ѣшь, ѣшь, верзило, да берегись!» говорилъ грозный дѣдъ. Кусокъ качался въ разныя стороны, а руками его брать было нельзя; гость ухищрялся всѣми способами... Всѣ окружающіе притаили дыханіе и ждали катастрофы. Дѣдъ, шавкая, говорилъ: «Гляди, чтобы и тебѣ не было того, что было одному у моего свата. Къ моему свату Тарасу пріѣхалъ гость. Онъ посадилъ его обѣдать и поставилъ на столъ борщъ съ говядиной. Гость захватилъ себѣ весь кусокъ говядины и говоритъ: «Ну, дядя, что зацѣпилъ, то и Богъ далъ!» А сватъ похлебалъ, похлебалъ борщу да какъ схватитъ гостя за волоса и давай таскать: «Что зацѣпилъ, то и Богъ далъ! что зацѣпилъ то и Богъ далъ!...» Гость однако не засмѣялся, но продолжая ловить кусокъ, хотѣлъ почухать рукою затылокъ, и поднялъ руку. Дѣдъ пришелъ въ ярость.» Грубіянъ! грубіянъ!» закричалъ онъ и бросился съ квачемъ. Удары градомъ посыпались на гостя, и онъ въ испугѣ убѣгалъ, утираясь, и чихая. «Лихачи бы тебя побили!» говорилъ дѣдъ, возвратившись на мѣсто, и поправляя квачь. Почти никто не уходилъ не битымъ и не обмазаннымъ. Дѣдъ разсказывалъ то о томъ, какъ дѣдъ подрался съ бабкой за простоквашу, то о томъ, что было въ Ростову на базарѣ; а если не могъ разсмѣшить, то придирался къ чему-нибудь, разворачивалъ руку и, со всего плеча ударяя квачемъ по лицу, кричалъ: «А, вотъ что ты со мной работаешь! вотъ на какія штуки пошелъ, молокососъ!!»

Среди пѣсней или какой игры, кто-нибудь изъ казаковъ, снимая со свѣчи, нарочито возмётъ и потушитъ ее. Тутъ поднимется шумъ и возня «Цѣлуйтесь, кто кому милъ!» скажетъ какая-нибудь казачка.

XVIII.

Всѣ ребята, пріѣхавшіе съ женихомъ, вышли на дворъ; вдругъ послышались крикъ и драка. «Нашихъ бьютъ, хутор-

скіе нашихъ бьютъ!» кричала казачка. Женихъ выскочилъ изъ за стола и побѣжалъ къ своимъ... «Разбудите Микиту, разбудите Микиту! Онъ тамъ спитъ въ чуланѣ на сундукѣ! Братцы, не выдай!» кричалъ парень изъ толпы...

«Что такое?» закричалъ «Микита», выскочивши на крыльцо. «А, драка! стой наши! почистимъ носы хутору! За мной станица!! бей, хватай за волоса, валяй на землю, таскай и ворочай!» Такъ кричалъ безстрашный «Микита!»

Хуторъ былъ разбитъ и разогнанъ; а станица, въ свою очередь, вся оборванная, избитая и почерябаная, возвратилась въ комнату, съ жаромъ разсуждая о схваткѣ, и махая руками.

Къ ужину однако хуторъ собрался и вошелъ въ комнату.

XIX.

За столомъ хуторскіе косо посматривали на станичныхъ и говорили про себя: «Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ, взойдетъ и надъ нашими воротами солнце!... Терпи казакъ—атаманъ будешь!» Всѣ были изуродованы: у того не видно было глазъ и всё лице напухло и посинѣло; у того было вырвано половина волосъ съ головы; а у иного губы надулись выше носа. Платье у многихъ было порвано, въ крови и землѣ.

«А изъ твоихъ губъ, братъ, хорошая была бы лапша; не нужно бы и индюшачьихъ пупковъ», говорилъ, когда подали на столъ лапшу, одинъ парень другому, у котораго были набиты губы. «Берегись, чтобы и у тебя не было такихъ! я тебя какъ тресну вотъ ложкою по мордѣ!» сурово сказалъ тотъ. «Ты бы, Елизаръ, блюдо облизалъ!» говорилъ другой, сидѣвшему противъ него Елизару. Всѣ громко засмѣялись, а Елизаръ погрозилъ кулакомъ, заскрыпѣлъ зубами и сказалъ: «Гляди, чтобы я тебя не ухватилъ за волосное правленіе да объ земскій судъ!»

Невѣста стояла поконецъ стола и говорила: «Андрей Ивановичъ, кавалеры, барышни, кормитесь!» Вдругъ неожиданное происшествіе произвело шумъ и тревогу: «Родимая моя мамушка, на родимца ты Хоритошку родила? на него только лишняя трата!» Такъ сказалъ одинъ парень. Другой, сидѣвшій на другой сторонѣ стола, у котораго былъ братъ Хоритошка, и котораго такъ дражнили, съ быстротою молніи вскакиваетъ съ мѣста, хватаетъ его обѣими руками за волоса, стучитъ его головою объ столъ и злобно кричитъ: «А, вотъ, у, вотъ тебѣ расправа! ты мнѣ голову проѣлъ и шею прогрызъ! Ты и Аксёновой кобылѣ хвостъ повыдергалъ на мотики куропатокъ ловить, а свернулъ на меня, и меня высѣкли на базарѣ! о!...» Всё посыпалось со стола: ложки, тарелки и куски пирога; чашки съ лапшею перевернулись, и она разлилась по всему столу. Женихъ и всѣ вскочили съ мѣстъ...

XX.

Остальныя вечеринки мало отличались отъ первыхъ. На однѣхъ изъ нихъ казакъ нарядился цыганомъ и водилъ медвѣдя; а двѣ казачки, нарядившись цыганками, ворожили и плясали поцыгански.

Хуторъ собирался всегда въ большомъ числѣ и изыскивалъ всѣ способы, чтобы напасть на станичныхъ, но они были осторожны.... Наконецъ онъ рѣшился прибѣгнуть къ военной хитрости: всѣ ребята и казачки посадились на коней, и, взявши въ руки кнуты, плети и палки, заѣхали въ степь и остановились за бугромъ, около той дороги, по которой должны были ѣхать ихъ враги. Какъ только тѣ подъѣхали близко, они изъ за бугра, съ крикомъ и визгомъ, бросились на нихъ, махая оружіемъ. Тѣ отвѣчали крикомъ на крикъ и ударами на удары. Драка была долгая и жестокая.

XXI.

Къ рукобитью Иванъ Θедоровичъ послалъ Андрея верхомъ просить всю свою родню дальнюю и близкую, сватовъ, полчанъ и прочихъ. «Дядюшка и тетушка» или: «сватъ и сваха,» говорилъ онъ, входя къ кому-нибудь: «батюшка и матушка просили васъ на хлѣбъ, на соль, на винную чарку, на законную бесѣду.»

Въ назначенный день дворъ Меркуловъ наполнился гостьми. Кто пріѣхалъ на лошади, кто на волахъ, кто пришелъ пѣшки. Собравшись въ полномъ числѣ, всѣ отправились на Л.

XXII.

Сидоръ Григорьевичъ тоже собралъ всю свою родню. Вечеромъ явились къ нему сваты. Впереди ихъ шелъ Кудиновъ, за нимъ Иванъ Θедоровичъ съ бочёнкомъ водки подъ мышкой и много стариковъ, старухъ и молодыхъ казаковъ и казачекъ. «Входятъ-ли грѣшные въ рай?» спросилъ изъ за дверей Кудиновъ. «Входятъ и вносятъ!» отвѣчали изъ комнаты.

Кудиновъ сталъ подносить водку и разсказывалъ при этомъ, какъ они съ богатымъ купцомъ пріѣхали изъ за моря и чего этому купцу надо. Вскорѣ купецъ былъ позванъ съ крыльца въ комнату. Онъ вошелъ поклонился на всѣ стороны и сталъ на рединѣ. Къ нему подвели товаръ, спросили согласіе и поставили рядомъ.

«Теперь давайте ударимъ по рукамъ!» сказалъ отецъ невѣсты. Всѣ стали молиться Богу и потомъ положили руки на столъ кучей. «Если кто откажется, то сто рублей!» — «Съ невѣсты сто, жениха двѣсти, а жить имъ вмѣстѣ!» крикнулъ Кудиновъ.

Когда руки были разобраны и всѣ сѣли по мѣстамъ, то женихъ и невѣста стали подносить водку всѣмъ гостямъ попарно,

начиная съ старшихъ. Когда кого не было за столомъ, то Кудиновъ называлъ ихъ по именамъ и кричалъ: «Есть ли про васъ слухъ?» И они выходили къ столу. Каждый разъ, поднесши, женихъ и невѣста клапялись до земли и лежали до тѣхъ поръ, пока имъ не велѣли вставать. Когда вставали, то женихъ бралъ со стола графинъ и наливалъ, а невѣста держала на подносѣ рюмки и потомъ несла, кому было назначено. Всѣ, выпивая рюмку, клали на тарелку деньги.

XXIII.

Оставивши молодыхъ у невѣсты, «старики» (въ томъ числѣ были и молодые казаки и казачки) отправились въ квартиру жениха. Тамъ сѣли за столъ: старики по лѣвую сторону, а старухи по правую. (Всегда въ такихъ случаяхъ это строго наблюдается; если по ошибкѣ кто сядетъ не на свою сторону, то всѣ кричатъ: «Штрафу, штрафу, десять копѣекъ штрафу!» И штрафъ съ виноватаго непремѣнно взыскивается.)

За столомъ всѣ говорили между собою и по временамъ громко кричали и спорили. Жена двоюроднаго брата Ивана Өедоровича, заспоривши съ сосѣдкою кричала: «Ты ужъ молчи, чья бы мычала, а твоя бы совсѣмъ молчала! Ты помнишь какъ наши старики служили въ Персіи — ты любила русака Тимошку; а у Цыцеревыхъ въ огородѣ въ конопляхъ тебя съ нимъ поймали, связали васъ штанами и водили по станицѣ; а послѣ тебя заставили подметать базаръ и сѣкли на перекресткѣ новымъ вѣникомъ! сѣкли! сѣкли! сѣкли, какъ шельму!» Такъ кричала старуха. Ея мужъ, строгій и суровый старикъ, съ нахмуренными бровями и въ плисовомъ кафтанѣ, грозно взглянулъ на неё и сказалъ: «Старуха, обуздай языкъ свой!» — «А ты самъ молчи, ты самъ хорошій человѣкъ! ужъ я тебя знаю! Ты живешь съ работницей Акулинкою! живешь! живешь!» кричала ста-

руха, пришедшая въ совершенный азартъ. Дѣдъ побагровѣлъ, брови его еще больше нахмурились, губы задрожали; кулакъ его съ неимовѣрною быстротою поднялся вверхъ и съ страшною силою опустился на голову старухи. «Ой, ой! батюшки! За что ты меня бьешь, старый родимецъ? за что ты меня бьешь?» жалобно вопила старуха, прикрываясь отъ новыхъ ударовъ обѣими руками. Косы ея упали, платокъ развязался, а по лицу текли крупныя слезы. Дѣдъ вскочилъ изъ за стола и, схвативши её за кубилекъ, дергалъ и кричалъ... «Люди добрые, отцы родимые спасите, спасите! онъ меня убьетъ!» кричала старуха. Нѣсколько стариковъ бросились между ими и растощили ихъ врозь. Старикъ тотчасъ ушелъ, легъ на свою повозку, которая стояла среди двора, и не вставалъ до самаго утра. А старуху уложили на кроватъ. Надъ нею сѣли три старухи и, подпершись руками, одна за другою утѣшали ее и говорили: «Пришлепнулъ онъ тебя кормилицу, старый родимецъ, и прямо по макушкѣ,» говорила первая: «я думаю клацнула зубами сердечная! Мой пьяница тоже какъ разсердится, такъ кидается на стѣны,—такой ужъ проклятый заводъ, такой его и батюшка былъ,—и хватаетъ, что попало: читаетъ ли «Путь ко спасенію,» или иную благочестивую книгу, не поглядитъ—такъ и попуститъ, а тамъ хоть нехай въ помойницу упадетъ. А пьяный надѣлаетъ такого крику. «Стой наши, назадъ наши!» кричитъ: «направо-налѣво раздайся!» И всё пропьетъ, что ни есть въ карманѣ. А проспится, такъ чуть за пятки себя не кусаетъ; зарекается и въ ротъ брать, клянется, цѣлуетъ икону; на «Псалтырѣ» напишетъ: «Тысяча восемсотъ шестьдесятъ такого-то года, такого-то мѣсяца и числа, зарекся навсегда пить водку, клялся и цѣловалъ иконы.» А тамъ, глядишь, какъ праздникъ—и нарѣзался. Проспится, опять зарекается, опять пишетъ, а то сверху мараетъ. Поглядишь на крышки его книгъ, а тамъ со всѣхъ сторонъ понаписано: зарекся, зарекся, подъ разными годами и мѣсяцами.»—«Охъ,» продолжала вторая: «злѣе моего нѣту ни

одного человѣка! у него и взглядъ-то такой, какъ будто хочетъ тебя проглотить! Такъ не говоря ни слова и хряпнетъ! За что ты всё меня бьешь? Вѣдь ты меня сдѣлаешь калѣкою? спросишь когда подъ веселую руку. «Колоченная посуда два вѣка живетъ!» скажетъ онъ. Надоѣло мнѣ, какъ былъ онъ въ Грузіи—я тутъ и того... приходитъ, а у меня двѣ колыски. И ужъ была мнѣ карность! онъ меня и огнёмъ то пекъ, и за ноги вѣшалъ»—«И мой размозня», говорила третья: «тоже не прочь подраться, да то его бѣда, что не за что да воли то ему медвѣдю нѣту. Разъ что же вы думаете? нарочито напился пьяный, присучился ко мнѣ, схватилъ за косы, таскаетъ и кричитъ: «Не сиди дома, не ходи никуда!» Ахъ ты, говорю, родимецъ тебя поломай! вотъ что ты выдумалъ! Грабунькя, грабунькя да какъ ухвачу лопату—и ужъ была тутъ битва!»

Битая же лежала на кровати, жалобно причитывала и совершенно не обращала вниманія на другихъ. Языкъ ея путался и чуть только поворачивался: «Состарилъ онъ мою жизнь, старый чертъ! я какъ за него не выходила, была какъ кровь съ молокомъ; а за него вышла—не видала свѣта Божія... Онъ азіятъ, онъ и дѣтей своихъ всѣхъ поразогналъ... Алесюшка, Данилушка, родимые мои дѣточки, родимые мои сыночки!... Когда Алесюшка забылъ въ чуланѣ закрыть ляду въ погребѣ, и я ночью пошла на дворъ и упала въ погребъ прямо въ кадушку съ бураками, и переломила себѣ лѣвую ногу, то онъ меня выгналъ изъ дому, и меня взялъ Данилушка, и я у него жила, онъ меня и кормилъ, и поилъ. А онъ пріѣдетъ туда съ палкой, вставай, говоритъ, лѣнивая, будетъ тебѣ лежать! А самъ всё по здоровой ногѣ палкой бьётъ, всё бьётъ, а я плачу, а я плачу... Такъ я и мучилась, пока нога не срослась... Охъ, батюшки, люди добрые, что это за дѣдъ? А за мерзлаго теленка онъ меня такъ исковеркалъ и изувѣчилъ, что у меня не было видно ни кожи, ни рожи... Онъ прелюбодѣй, онъ безбожникъ; люди въ церковь Божію въ праздникъ идутъ, а онъ за трубку возмется... Что

ты, дѣдъ, говорю, не пойдешь въ церковь, не помолишся Богу? а онъ: «Засть, твое дѣло молчать! я тебя также послушаю, какъ рябаго кобеля!» А когда настанетъ полночь, онъ съ работницей деньги станетъ считать, а меня прогонитъ, а я въ трещинку заглядаю, заглядаю!... А за работницу онъ меня разъ въ кладовую на три дня посадилъ, и тамъ у насъ есть маленькое окошечко, куда кошки лазятъ, и я въ то окошечко выглядаю, и кричу, кричу, кричу!... Ужъ я чѣмъ его не лечила: и наговаривала водку, и соль, и чѣмъ я его только не кормила? и воду изъ тихаго мѣста въ рѣчкѣ брала и поливала пороги, чтобы утишилъ его Господь, но онъ еще больше дрался. Разъ разсердился и говоритъ: «Я тебя, суку, всѣмъ билъ, а печью еще не билъ!» Да ухватилъ меня за ноги и давай головой бить объ грубку и лежанку... всѣ косточки мои поломались!... А у самого когда животъ заболитъ, такъ ходитъ по двору, по куреню, и не беретъ его ни сидячая, ни лежачая; а самъ всё кричитъ на всю станицу, ажъ у Филатовыхъ слышно: «Ой, ой, ой! Пресвятая Богородица, Ангелы хранители, помилуйте меня грѣшнаго!» А когда на него лихорадка напала, то онъ заставилъ меня дохлую бѣшеную собаку таскать на веревкѣ отъ самаго обѣда и до полудня, и тою веревкою подпоясался. И еще говоритъ: «Ты старуха поймай черепаху и задуши ее на поясѣ, и отдай мнѣ поясъ подпоясаться». И я поймала черепаху и повѣсила ее на поясѣ, что вымѣняла на свиную щетину у коробейника, и повѣсила на возу на подтоку, и она цѣлую недѣлю висѣла и всё была жива... Ой, батюшки, что мнѣ дѣлать? Хоть бы онъ ужъ издохъ или лихоманка бы его затрусила... Я своего вѣка не доживу! я на себя руки наложу! я либо утоплюсь, либо удушусь! Онъ меня голодомъ заморилъ! «За что», говоритъ, «я тебя, бабка, старая карга, мясомъ кормлю? ты ѣшь одну кортошку! и молока не ѣшь, ѣшь только простоквашу, потому что коровы мои — я имъ и сѣно кошу». А когда мы были на свадьбѣ у дяди Свирида, то онъ...» Тутъ старухи не стало слышно,

послѣднія ея слова были произнесены тихо, замѣтно было, что она засыпаетъ.

XXIV.

Иванъ Өедоровичъ обеспокоился больше всѣхъ; Кудиновъ отлучился домой, и онъ былъ въ большомъ затрудненіи. «Вотъ это другая притча», говорилъ онъ «а всё это дѣло сотника Слышкина,—мы съ нимъ въ большой злобѣ, и онъ сказалъ и поклялся всѣми святыми, что если, говоритъ, Меркуловы не позовутъ меня на свадьбу, то я имъ надѣлаю дѣла: будутъ они всѣ ходить согнувшись! (вся компанія въ испугѣ перекрестилась) а Иванъ Өедоровичъ, онъ будетъ, говоритъ, окарачь лазить; я его въ свинью, въ собаку обращу! Что жъ вы думаете? только мы, ѣдучи сюда, проѣхали его дворъ, какъ вдругъ у меня—а я ѣхалъ переднiй—тресь супонь, и перервись! лошадь въ сторону, а оглобля пополамъ! Принужденъ я былъ идти за новою оглоблею. А тутъ вотъ новая бѣда».

«Ахъ, батюшки, мнѣ тошно! я спорчена!» закричала одна казачка. Вслѣдъ за нею всѣмъ старухамъ, сидѣвшимъ за столомъ, сдѣлалось дурно, и онѣ, шатаясь, охая и хватаясь за разныя мѣста, выходили на дворъ. Одна изъ нихъ кричала: «Придайте смерти, придайте смерти, отцы родные, колотья закололи!»

Явилась лекарка; она, давя обѣими руками больную по животу, говорила: «Тутъ вамъ не колоть, тутъ вамъ не пороть, желтой жилы не тянуть, бѣлой кости не ломить!»...

«Э, отъ этого не пособится, хоть брось! Вы ей накиньте махотку!» послышался голосъ.

«Сахрани Богъ», сказалъ Иванъ Өедоровичъ: «лучше её прирѣзать! Я знаю, какъ накидываютъ эти махотки, дались онѣ мнѣ въ тямку! Я когда гонялъ продовать овецъ, то, продавши, и поди въ харчевню... Пообѣдалъ. Вдругъ какъ завертитъ у меня въ животѣ, просто смерть да и только; притянуло животъ къ

спинѣ и нельзя ни согнуться, ни разогнуться. Безъ памяти катаюсь по харчевнѣ да и только. Одну старуху лихоманка и поднеси. «Давай», говоритъ, «я тебѣ, старикъ, махотку накину, какъ рукой сниметъ!» Я махнулъ ей рукой: что хочешь дѣлай, только помоги! Махотки не случилось въ харчевнѣ, всѣ были заняты, и она мнѣ возми и накинь мѣдный казанъ. Мнѣ то было больно, а то еще больнѣй стало. То былъ безъ памяти, а теперь и къ памяти пришёлъ; рѣжетъ, рѣжетъ, пополамъ рѣжетъ! Потерпѣвши сколько было можно, я сталъ говорить: будетъ, бабушка, сними! — «Нѣтъ, еще, а то не пособится!» — Бабушка родимая, сними, — смерть моя недалеко! — «Нѣтъ», говоритъ, «подожди!» — «Ахъ ты, говорю, стерва, мучить что-ли ты меня задумала? Ты видишь меня всего скорчило! злая ты вѣдьма! змѣя!» кричу я, скрыпя зубами: «вотъ я жъ тебя!» и схвативши рогачь, хотѣлъ броситься къ ней, но не могъ и упалъ. Тутъ ужъ и бабка боялась ко мнѣ приступить. Я хотѣлъ самъ сорвать казанъ, но не могъ, хотѣлъ разбить рогачёмъ, но мѣдь только гнулась. Въ страшной, предсмертной мукѣ я кричалъ: Господи, за что Ты меня, за какіе тяжкіе грѣхи Ты меня такъ жестоко наказываешь? Потомъ, корчась и ежась, страшнымъ, отчаяннымъ голосомъ закричалъ: караулъ, караулъ, караулъ!... Стряпухи и всѣ, кто былъ въ той харчевнѣ, давно уже разбѣжались; баранина, лапша, борщъ — всё было оставлено безъ присмотра и загорѣлось. Задымилась вся харчевня и запылали стѣны. Поднялся шумъ, собрался народъ, прибѣжали насосы; меня совсѣмъ съ казаномъ вынесли, я былъ ни живъ, ни мертвъ. Позвали слесаря: онъ пилками и тярпугами кой-какъ распилилъ казанъ, и я всталъ... Старуху поймали и сѣкли на базарѣ. «Батюшки», кричитъ она, «пустите душу на покаяніе! отнынѣ и до вѣку не буду накидывать махотку и ни себѣ, и никакому черту!»

Послѣ этого старуха была вынесена на крыльцо.

XXV.

Возвратившись въ комнату, Иванъ Өедоровичъ продолжалъ: «Вотъ чего надѣлалъ проклятый колдунъ! Просто изъ поганаго ружья бы застрѣлилъ! Нѣту на него хвата. А вотъ случается, что наскакиваетъ коса на камень: тотъ хорошъ, а тотъ еще лучше!... Шли разъ казаки въ Польшу и случилось имъ остановиться въ одномъ хуторѣ. Тамъ заводилась свадьба. Дружкомъ не пригласили одного старика, который всегда ходилъ имъ, а попросили другаго. Страшно осердился, и заскрыпѣлъ зубами злой старикъ! Казакъ, который остановился какъ разъ въ томъ домѣ, гдѣ собиралась свадьба, и говоритъ отцу жениха: «У васъ будетъ на свадьбѣ большое несчастье. Если хотите избѣгнуть, то попросите меня у полковника». Они его попросили, но не вѣрили, и онъ отдалъ въ залогъ своего коня... Стали ѣхать вѣнчать молодыхъ. Вдругъ, когда поровнялись съ дворомъ того старика, конь подъ женихомъ упалъ, и издохъ. Казакъ говоритъ: «Что? поѣдемте, нехай остается!» Повернулись назадъ; ѣдутъ мимо дохлаго коня, и видятъ ползетъ на ракушкахъ старикъ колдунъ къ коню. Когда онъ подлѣзъ, то казакъ и говоритъ: «Ну, ѣшь же, кормись!» Старикъ затрясся всѣмъ тѣломъ и повалися ему въ ноги. «Помилуй», говоритъ, «не губи!»—«Въ другой тебѣ будетъ наука!» сказалъ, и поѣхалъ. Старикъ принялся ѣсть дохлаго коня, и потуда ѣлъ, пока не съѣлъ всего. Послѣ призналсяво всёмъ и заплатилъ за коня».

«У кого ужъ есть что въ носу», сказалъ Сидоръ Григорьевичъ: «тотъ не можетъ утерпѣть, чтобы не сдѣлать зла, его самого мордуетъ и судомитъ; кто бы не былъ: хоть другъ, хоть родня, а ему надо испортить. Вотъ ужъ на моей памяти была одна старуха, которая была вѣдьма и колдовка. Всякій бывало приходитъ въ ужасъ, услышавши только одно имя: «Агудиха Василиса». А глянетъ бывало, такъ по кожѣ и поде-

ретъ, какъ бороною проѣдетъ. Часто бывало видятъ: утромъ зарёю бѣжитъ съ бугра къ своему дому; въ одной рубахѣ, растрепаная и распатланая; потъ съ ней градомъ, а сама сопитъ, какъ будто на ней кто ѣздилъ... Разъ шли на свадьбу ребята и дѣвки; вдругъ какъ выскочитъ изъ за угла свинья и бросилась на нихъ; они надѣлали крику и бросились уходить. Въ это время шли бабы и съ ними казакъ; онъ и говоритъ—видно былъ парень тоже ручій: «Постойте, бабы, тутъ будетъ за нами гонять свинья или собака». Только онъ проговорилъ, какъ бѣжитъ свинья и прямо къ нему. Онъ подбѣжалъ да её палкой по храпу, а потомъ по боку; послѣ этого она завизжала и скокомъ бросилась отъ него. «Вотъ, бабы», говоритъ казакъ: «я завтра найду виноватую». Утромъ и пошелъ прямо къ Агудихѣ. Приходитъ и спрашиваетъ у ея дѣтей: «Что ваша мать дома?» — «Дома, да она не здорова! ходила вчера къ Хрымовымъ, на дорогѣ поскользнулась и разбила себѣ переносицу», говорили дѣти. «А», сказалъ онъ, «не будетъ въ другой за людьми гонятьcя. Былъ бы у ней цѣлъ носъ, если бы она не была вѣдьма». А когда принимала къ себѣ зятя, то вѣдь какого ужаса нагнала проклятая всѣмъ. Ведутъ, братецъ ты мой, молодыхъ съ церкви, стали подходить къ дому, а ее игрецъ ломаетъ, а ее игрецъ ломаетъ: растрепала на себѣ косы, плачетъ, мечется во всѣ сторону, глаза покраснѣли и засвѣтились, какъ у кошки. Дружко видитъ, что лихо: «Кидайте сковороду, кидайте сковороду въ печь!!» кричитъ; а самъ бросился къ ней да по мордѣ ее кулакомъ, да по мордѣ ее кулакомъ, чтобы пошла кровь... Молодые и всѣ помертвѣли отъ ужаса и тряслись какъ въ лихорадкѣ; поднялся шумъ, сковорода раскололась на мелкія части, всё загуло и загремѣло! Одинъ только дружко не сробѣлъ: онъ кидался во всѣ стороны и мотался, какъ угорѣлый. Вытащивши, ее всю окровавленную въ чуланъ, онъ бросился къ окну, разломалъ, разбилъ его; выскочилъ въ него къ молодымъ, насыпалъ имъ въ сапоги иголокъ, а вподерекъ перепоясалъ бред-

немъ. Послѣ этого, положивши три поклона, онъ повелъ молодыхъ въ комнату чрезъ окно; а порогъ двери долго поливалъ водою и усыпалъ золою... Зналъ, видно, свое дѣло ловко!... Что жъ ты думаешь? развѣ молодые были какъ молодые, только черезъ мѣсяцъ они стали какъ люди. А зять самъ былъ не радъ, что попалъ къ такой чертовкѣ. И какая только была жизнь его? такъ даромъ и пропалъ сердека; свела стерва съ свѣта!... «Сталъ я замѣчать», разсказывалъ онъ когда еще былъ живъ: «что къ моей тещѣ летаютъ въ самую полночь сороки; думаю: что онѣ тутъ строютъ окаянныя? дай подгляжу! Вотъ притворился спящимъ и лежу; вдругъ летятъ; зашумѣли, захлопали крыльями и закричали! налетѣлъ садомъ! Прыгаютъ около ея и: чиче, чиче! Потомъ теща помазала у себя подъ мышками чѣмъ-то изъ черепка, тоже сдѣлали и сороки, и всѣ загудѣли въ трубу. Одну ночь, другую, третью я вижу всё одно и тоже; на четвертую и говорю: дай попробую, что это такое. Всталъ и помазалъ у себя подъ мышками, и что только со мной было?...» Тутъ онъ бѣдняга запрядалъ, замахалъ руками и взвился въ трубу. Долго леталъ, гдѣ только онъ не былъ? Потомъ прилетѣлъ домой, но только ногами къ трубѣ, кочетъ: кукуреку! онъ и остался верхомъ на трубѣ. Жена утромъ встаетъ и видитъ: онъ сидитъ на трубѣ измученный весь и испуганный. Она подставила ему лѣстницу и пособила ему слѣзть. Теща страшно лютовала, узнавши, что онъ леталъ за нею. На третью ночь нашли его въ постели мертвымъ: лежитъ весь синій, со рта пѣна, а въ рукахъ сожмалъ подушку... Стала умирать проклятая старуха, Боже мой, вотъ страха было! Умирала цѣлую недѣлю, а кричала такъ, что было слышно кругомъ на семъ верстъ. Днемъ лежитъ умираетъ и кричитъ, а ночью вскакиваетъ, бѣгаетъ по комнатамъ, скачетъ на кочергахъ и рогачахъ, поетъ; а какъ только пѣтухи пропѣли, она ляжитъ противъ святыхъ и умираетъ. Всѣхъ своихъ домашнихъ перепугала; какъ ночь, такъ бывало и уходятъ всѣ изъ дому. Однако нашелся

человѣкъ—такъ ужъ видно Богъ послалъ—солдатъ: «Мы», говоритъ, «такихъ видали! Провернулъ дырку въ потолкѣ какъ разъ противъ сердца,—страшно глянула по сторонамъ старуха и заревѣла, какъ корова!»

«Много на свѣтѣ злыхъ людей!» продолжалъ одинъ изъ стариковъ. «И чего только не дѣлаютъ, особенно на свадьбахъ; иной что схочетъ, то и сдѣлаетъ... Однажды сидятъ на курганѣ три казака, а мимо по дорогѣ ѣхала свадьба. Одинъ и говоритъ: «А что, еще будемъ нонче и водку пить!» Какъ сказалъ, такъ и случилось. Ѣдетъ поѣздъ, играютъ пѣсни, вдругъ, когда поровнялись съ курганомъ, на которомъ сидѣли казаки, лошади у всѣхъ выпряглись и повыскакивали изъ оглоблей. Дружко былъ не дуракъ, беретъ бутылку и калачь, и идетъ на курганъ. Взявши бутылку и калачь, казакъ и говоритъ: Ну, теперь иди запрягай!» Запрягли и поѣхали благополучно. А въ другое время также ѣдетъ свадьба, а казакъ и говоритъ своимъ товарищамъ: «А глядите: вся свадьба будетъ цѣловать вонъ тотъ пенёкъ, что возлѣ дороги. И поклялся, что это непремѣнно случится. Такъ и вышло. Поровнявшись съ пенькомъ, вдругъ прежде всѣхъ вскакиваетъ дружко, подходитъ къ пеньку и цѣлуетъ его; за нимъ молодые, а тамъ и вся свадьба. Всѣ поцѣловали, сѣли и поѣхали.»

«Это еще не бѣда поцѣловать пенекъ или запречь лошадей; бываютъ дѣла еще не такія,» сказалъ другой старикъ. (Вся компанія обратилась къ нему.) «Вотъ что я слышалъ: на одной свадьбѣ, когда молодые уже были перевѣнчаны, пропалъ кто знаетъ куда молодой. Невѣста жить да жить съ свекрухою. У нихъ токъ былъ въ степи. Когда она одна пріѣзжала туда, то изъ соломы выходилъ волкъ и ласкался всё къ ней. Она стала говорить объ этомъ другимъ и наконецъ свекрухѣ. Та посовѣтовала ей отрубить ему голову топоромъ. Когда она послѣ этого пріѣхала туда и хотѣла было сдѣлать такъ, какъ совѣтовала ей свекруха, то ей жалко стало волка. Откуда не возмись охот-

ники, подхватили его и погнали. Нагнали они его на крутой яръ, и когда онъ прыгнулъ черезъ него, то въ это время вдругъ сталъ человѣкомъ, и охотники узнали въ немъ мужа той самой казачки. Спустя нѣсколько времени въ томъ же хуторѣ пропалъ другой казакъ; долго его искали, но объ немъ пропалъ и слухъ. Прошло лѣтъ шесть; въ одну ночь отецъ его вышелъ на базъ провѣдывать овецъ, и видитъ, что тамъ волкъ. Онъ схватилъ дрючекъ и давай его бить. Гонялъ, гонялъ онъ его по базу; вдругъ видитъ, передъ нимъ человѣкъ и его сынъ. Вотъ какіе бываютъ случаи. И кто жъ это работалъ? колдунъ. Это все его были дѣла.... Въ томъ хуторѣ жилъ старикъ; чертъ знаетъ что былъ на видъ: маленькій, храмой, горбатый и косой, но сердитый и страшный! Бывало какъ скажетъ что, такъ будто молотомъ по головѣ улупитъ. Весь хуторъ боялся его и ходилъ передъ нимъ на пальцахъ. Идучи мимо его двора, всякій читалъ молитвы. Даже собаки, завидивши его, съ визгомъ убѣгали и хоронились. Приказывалъ онъ кому что—и всякій соглашался скорей умиреть, нежели не исполнить его приказанія. Ты поѣзжай сегодня гати мнѣ греблю, а ты поди выкоси леваду, или что-нибудь другое скажетъ кому изъ хуторчанъ, и всякій безотвѣтно шелъ и работалъ цѣлый день. Онъ то и работалъ всѣ дѣла! что схочешь, то и сдѣлаетъ; какую схочетъ болѣзнь ту и нашлетъ... Рыбалки и охотники первую добычу бывало несутъ ему, а если кто этого не сдѣлаетъ, то хоть возми и бросай всё— ничего проку не будетъ! Разъ сидитъ онъ на крутомъ берегу, надъ Дономъ и ловитъ удочкой рыбу. Идетъ мимо казакъ съ ружьемъ; онъ подозвалъ его и говоритъ: «Что, видно, не бьетъ ружье?»—«Да, я пять разъ выпалилъ, да не убилъ ничего»— «А хочешь чтобы оно стрѣляло хорошо? Дай-ка его сюда!» И взявши ружье, онъ повертѣлъ его въ рукахъ, потомъ размахнулъ и бросилъ въ самую глубину, гдѣ никто не могъ и дна достать «Приходи за нимъ ко мнѣ завтра!» Казакъ пошелъ домой и былъ увѣренъ, что ружье его пропало. На другой день идетъ

къ Балябѣ и видитъ: ружьё его лежитъ вымытое и вычищенное. У него такъ волоса на головѣ и поднялись... Не было отъ колдуна житья никому въ хуторѣ: какъ будто всѣхъ за душу тянетъ, какъ камень лежалъ на шеѣ всѣхъ, покуда онъ былъ живъ. Даже и послѣ смерти долго не давалъ спокою: ходитъ ночью по хутору да и вотъ! А свою невѣстку такъ было замучилъ. «Ты,» говоритъ, «готовь мнѣ всякій вечерь ѣсть, а то я тебя самое съѣмъ!» Всякій Божій день наготовитъ всего, напечетъ булокъ, зарѣжетъ барана, и всё это положитъ въ кладовой... Придетъ ночью въ самую полночь, гремитъ, гремитъ цѣпью покуда впуститъ, и всё попріѣстъ, что приготовлено. Бѣдная невѣстка боялась одна ночевать и просила къ себѣ все сосѣдей; но никто не шелъ, зная какія тамъ дѣлаются дѣла. Такъ она ужъ бывало назоветъ маленькихъ дѣтей и ночуетъ. Но разъ вышла она съ дѣтьми на дворъ, а дѣти побѣжали по двору; глядь, а онъ сидитъ суклятый подъ плетнемъ, завернутый весь въ бѣломъ... Дѣти закричали и бросились въ комнату. «Что вы кричите, пострѣлята? молчите!» говоритъ хозяйка «Ахъ, тетенька, тамъ подъ плетнемъ—вонъ погляди—дѣдъ Баляба сидитъ, согнулся какъ собачёнка!» Съ тѣхъ поръ какъ рукой отрѣзало, и дѣти перестали ходить. Наконецъ всѣмъ хуторомъ рѣшились его заклясть. Собрались всѣ и старъ, и младъ, разрыли могилу, провернули гробъ противъ самой груди, и забили туда длинный осиновый колъ. Кровь такъ и брызнула, и прямо въ лице одному старику. Чтожъ ты думаешь? вѣдь сдѣлался колдуномъ, всё перешло къ нему.»

XXVI.

Тамъ, гдѣ былъ женихъ съ невѣстой всю ночь также не прекращались шумъ, пѣсни и разговоры. Иногда играли балалайки и начинались танцы: всѣ и большіе, и малые начинали

прядать, взявшись въ боки, приговаривать и присвистывать. «Раздайся народъ,» кричалъ молодой казакъ, танцуя: «лихорадка беретъ!»—«Кого это тамъ забрала лихая година?» сказала казачка, сидѣвшая за столомъ.

«Чхи, чхи, чхи!» раздалось со всѣхъ сторонъ; вскорѣ это распространилось на всѣхъ, и всѣ бросились изъ комнаты. «Чьи жъ это руки походили? Это всё ребята окаянные, чтобъ имъ цобра не было!» говорили дѣвушки, заглядывая въ комнату, которая вся была усыпана горчицей....

Утромъ всѣ собрались къ отцу невѣсты похмеляться; а отъ него всѣ ужъ пошли и поѣхали по домамъ.

XXVII.

Къ свадьбѣ у Меркуловъ сдѣланы были большія приготовленія. Наготовлено было нѣсколько возовъ мяса и булокъ, куплено пятнадцать ведеръ водки, надѣлано браги и наварено варенухи, изъ калины, тёрну, вишень и меду. Дружкомъ былъ Кудиновъ; на него надѣялись, какъ на каменную гору.

Передъ свадьбой у жениха и у невѣсты были «каравайчики». Къ жениху собрались со всей станицы всѣ молодыя казачки и дѣвушки. Въ комнатѣ было поставлено множество столовъ; на нихъ лежало тѣсто и дѣлались «каравайчики». Женихъ былъ тутъ и беспрестонно разносилъ водку.

У невѣсты было тоже самое. Она сидѣла на своемъ приданомъ сундукѣ и, закрывшись платкомъ, горько плакала; а подруги пѣли:

«Вставай моя маменька раненько,
Поливай мои цвѣты частенько,
Утренней, вечерней зарею,
Своей горючею слезою»....

XXVIII.

На свадьбу родные и знакомые обѣихъ сторонъ съѣхались въ далеко большемъ числѣ, нежели на рукобитье. Въ день передъ свадьбой хуторъ Л. былъ полонъ народа; многіе дома были заняты подъ квартиры, и въ дворахъ ихъ стояли сани, быки и кони. Пріѣхавшимъ до самаго вечера было дѣлать нечего, и они ходили по буграмъ, садамъ и огородамъ; всё обсматривали и обсуждали. Вездѣ видны были люди, стоящіе кучками, указывающіе руками въ разныя стороны, и разсуждающіе.

Въ началѣ вечера отъ невѣсты большая толпа казаковъ, бабъ и дѣвушекъ, съ пѣснями, и сопровождаемая всѣмъ хуторомъ, пляшущимъ и дерущимся, ходила къ жениху «за свѣчами». Тамъ всѣ были угощаемы водкой и бараниной. Взятыя двѣ свѣчи на обратномъ пути были изломаны и измяты такъ, что остались одни фитили.

Дождавшись извѣстнаго времени ночи, сторона жениха, поднявшись поголовно, отправилась кучей къ невѣстѣ. Впереди шёлъ Кудиновъ съ большимъ штофомъ водки въ рукахъ. Онъ беспрестанно говорилъ и выдумывалъ все такія штуки, что спутники брались за животы и громко хохотали.

XXIX.

У невѣсты въ это время на столѣ стоялъ «ёжъ». Онъ состоялъ изъ калача, спеченнаго съ пустою внутренностію, и украшеннаго разными фигурками; по бокамъ его были сдѣланы отверстія, въ которыя выглядывалъ живой голубь; а вверху позаткнуты сибирковыя хворостинки, окрашенныя и позолоченыя, на которыхъ висѣли: птички, груши, яблоки, солнцы и мѣсяцы, сдѣланные изъ тѣста.

Послѣ многихъ церемоній, подобныхъ тѣмъ, какія были на рукобитьѣ, и послѣ раздачи «каравайчиковъ», которыхъ принесли три мѣшка и носили за свашкой, а она раздавала, каждаго цѣлуя, — всѣ отправились въ квартиру жениха, гдѣ рѣкою полилась водка и варенуха. Кудинову тутъ представилось широкое поле: онъ стоялъ поконецъ стола, говорилъ и каждому слову умѣлъ придать такое значеніе, что всѣ такъ и ложились за столомъ. Разсказывалъ, напримѣръ, о томъ, какъ они жили съ дѣдомъ, когда его отецъ еще не родился, какъ пахали и какъ ѣздили бить волковъ. «Мы жили богато», говорилъ онъ: «дворъ у насъ былъ кольцомъ: три жерди конецъ съ концомъ, три кола забито, три хворостины завито, небомъ покрыто, а свѣтомъ обгорожено». На счётъ Слышкина онъ говорилъ Ивану Ѳедоровичу: «Вы его не бойтесь! хоть у него, точно, есть въ носу, но нехай только подвернётся — я его въ сукъ согну! Я не такимъ рога ломалъ».

XXX.

Утромъ къ невѣстѣ собирались всѣ ея подруги, убирали ее и пѣли пѣсни. Въ другой комнатѣ сидѣли всѣ гости....

На улицѣ послышался топотъ, крикъ и стрѣльба. Это сторона жениха ѣхала за невѣстой. Впереди ѣхалъ дружко. Дуги и лошади были перевязаны красными лентами. Подъѣхавши къ дому, многіе взошли на крыльцо, но двери въ домѣ были заперты и они начали бѣгать около дома, стучать и кричать, какъ будто шли на штурмъ.

У невѣсты въ это время была печальная сцена. Слезы лились рѣкою. Всѣ молились Богу и плакали навзрыдъ. Отецъ взялъ икону, а мать свернула овчинную шубу шерстью вверхъ и положила на землю. Послѣ этого они стали рядомъ, передъ шубой; невѣста со слезами подошла къ нимъ, поклонилась до

земли и стала на шубу на колѣни, закрывши лице платкомъ. Мать плакала, у отца тоже капали слезы. Заикаясь, онъ говорилъ: «Прости, Алёнушка! ты идешь въ чужую семью, да благословитъ тебя Господь!.... Горько жить у чужихъ людей. Я самъ ѣлъ каржи съ саломъ.» Слезы закапали у него изъ глазъ, и онъ закрылся рукою. Дочь подошла къ нему, поцѣловала икону, обняла его шею руками; онъ также её обнялъ и поцѣловалъ три раза. Потомъ она подошла къ матери, которая стояла рядомъ съ отцомъ, держа въ рукахъ пирогъ. Когда поцѣловала пирогъ, то мать, положивши его на столъ, обняла её и долго онѣ стояли, обнявшись и рыдали. Ихъ развели, и невѣста стала прощаться со всѣми...

Двери были отворены; женихъ вошелъ и сталъ рядомъ съ невѣстой. Дружко съ боярами подшелъ къ подушкамъ невѣсты, на которыхъ въ это время сидѣли ея племянники, и держали одинъ пистолетъ, а другой шашку. Онъ долженъ былъ выкупить у нихъ подушки за гривну денегъ и бутылку водки.

XXXI.

Поѣздъ ѣхалъ по направленію къ станицѣ. Ѣхали кучками въ нѣсколько рядовъ и по дорогѣ, и безъ дороги; погоняли лошадей вскачь, танцовали на саняхъ и кричали пѣсни, поднявши руки выше головы. Иногда останавливались, становились въ кругъ и пили водку. Дружко ѣхалъ впереди; онъ держалъ въ одной рукѣ стаканъ, а въ другой бутылку съ водкой. На хомутѣ его лошади, около самаго хвоста, былъ привязанъ большой клочекъ бредня. Встрѣчаясь съ людьми, онъ со всѣми здоровался, снявши шапку; нѣкоторымъ же, остановившись, подносилъ водку, говоря про себя: «Лучше собакѣ бросить кость, чтобы не укусила проклятая!»

Къ церкви поѣхала только половина поѣзда; остальные разъѣхались по квартирамъ. Когда вѣнчанье было кончено, то жениха и невѣсту отвели въ задній уголъ церкви и посадили на стоявшій тамъ сундукъ. Тутъ ихъ повивали: жениху причесали голову, а невѣстѣ расплели косу, убрали по женскому и надѣли колпакъ.

Отъ церкви къ двору жениха, ѣхали съ пѣснями и стрѣльбою. Въ воротахъ былъ разложенъ изъ соломы огонь, и всѣ должны были, разогнавши лошадей, скакать черезъ него. Если же какая лошадь не шла, то её считали завороженною, гнали, били и тащили черезъ пламя за уши и за хвостъ. Около крыльца поставлено было двѣ кадушки: одна съ солью, а другая съ коровьимъ масломъ. Впереди кадушекъ лежала полеть. Родители жениха стояли позади кадушекъ, держали въ рукахъ иконы и, благословляя молодыхъ, говорили: «Будьте здоровы, какъ вода, и богаты, какъ земля.» А молодые кланялись, стоя на полетѣ, цѣловали иконы, а потомъ отца и мать. При входѣ въ домъ, на крыльцѣ ихъ осыпали хмелемъ и пшеничными зернами.

Жениха и невѣсту посадили за столъ, по лѣвую сторону. Передъ ними лежали четыре ложки; двѣ лежали врозь, а двѣ были связаны ниткою вмѣстѣ. Столъ былъ заваленъ пирогами и разными кушаньями, а на срединѣ его стаялъ «ёжъ» и «каравай,» состоящій изъ большаго калача, украшеннаго также, какъ и «ёжъ.»

За отцемъ и матерью невѣсты, и за всею роднею посланы были на квартиры вѣстовые; все они собрались, посадились за столъ, и отсюда только началась настоящая свадьба.

Къ этому столу былъ приглашенъ священникъ; онъ сидѣлъ въ переднемъ углу, и его видъ и тонъ рѣчи вселялъ во всѣхъ уваженіе и почтительность. Никто не кричалъ, не шутилъ и не смѣялся. Если кто начиналъ говорить, то старался говорить умно и благопристойно.

Молодой князь и княгиня, какъ называли теперь жениха и невѣсту, стали обносить водку, начиная съ священника и родителей. Подносили водку, кусокъ каравая и какой-либо подарокъ: шаль, платокъ, красную или зеленую ленту. Родные невѣсты были одаряемы подарками со стороны жениха, а родные жениха—со стороны невѣсты. Каждый кому подносили, чѣмъ-нибудь дарилъ молодыхъ: бараномъ, телушкой, свиньей или деньгами.

Наконецъ молодыхъ повели на постель. Молодой велъ невѣсту за руку, а дружко велъ его, давши ему конецъ платка, а другой оставивши у себя. Свашка шла впереди. А сзади шла большая толпа гостей....

Въ комнатѣ, въ которую привели молодыхъ, на столѣ горѣла свѣча и стоялъ «ёжъ». Свашка, вошедши, начала поправлять подушки; дружко въ это время подшелъ къ ней, схватилъ ее на руки, положилъ на кровать, легъ самъ и накрылся одѣяломъ. «Постель холодная, нужно ее погрѣть!» говорилъ онъ. Вставши, онъ повелъ свашку изъ комнаты за руку, говоря молодымъ: «Оставайтесь благополучно!» Всѣ вышли, и домъ былъ замкнутъ.

XXXII.

Компанія была въ самомъ веселомъ настроеніи. Исторія разсказывалась за исторіею; битвы, штурмы крѣпостей и атаки описывались самыми яркими красками.

«Разъ Государь смотрѣлъ войска,» говорилъ одинъ изъ стариковъ. «Ѣдутъ гусары и кирасиры: стройно, ловко, всѣ какъ одинъ; ѣдимъ мы, и тотъ туда, а тотъ туда. Ряды кривые, у того меринъ сивый, у того желтый, у того прямо кобыла; одинъ утирается обшлагомъ своего рукова, а другой старается поцхватить опустившійся на ноздри коня нахрапникъ, связанный веревочкой,—однимъ словомъ было все такъ, какъ

было у казаковъ въ прежнія старыя времена. «Эхъ, войско!» сказалъ одинъ изъ генераловъ; «Ну ужъ войско!» сказалъ другой. «Второй батальонъ кирасиръ, маршъ, маршъ на ура!» скомандовалъ Государь кирасирамъ, стоящимъ въ отдаленіи, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ проходили мы. Ряды ихъ колыхнулись и во весь скокъ двинулись на насъ. «Полуоборотъ налѣво, маршъ впередъ!» скомандовалъ государь намъ и махнулъ рукою. «Пошелъ, ребятушки!» закричалъ нашъ полковникъ и, махая нагайкою, поскакалъ впередъ. Наши бросились, погоняя на обѣ стороны своихъ коней, закричали и загайкали—и посыпались кирасиры, какъ снопы. Всѣ они разсѣялись въ разныя стороны: кто упалъ, а кто заскакалъ такъ, что только къ вечеру могъ воротиться назадъ. А наши какъ ни въ чемъ не бывало. «Пѣсѣнники, впередъ!» крикнулъ полковникъ. Пики зашатались и кривые наши ряды потянулись на свое мѣсто.»

Другой старикъ говорилъ: «Подъ Карсомъ наше войско стояло передъ городомъ на долинѣ, а впереди на высокой горѣ и нѣсколько въ сторонѣ мы съ двумя пушками. Во время самаго жаркаго дѣла, вдругъ въ Карсѣ двери растворяются, и турки высыпали какъ галь, видимо и не видимо. Закричали: «Алла, алла!» и бросились на линію нашего войска. Мы видимъ, что пропали да ужъ какъ чесанемъ, чесанемъ имъ прямо въ лице. «Давайте-жъ дадимъ знать, какъ умираютъ казаки!» сказалъ нашъ урядникъ Чаликовъ. Продолжая стрѣлять, мы повыхватили пистолеты и взвели курки. Видимъ, турки, видно считая насъ уже своими, бросились всѣ мимо насъ, на нашъ лагерь. Мы стой, только они проскакали, войско наше побѣжало, мы имъ въ задъ какъ зададимъ! «Пали! пали!» кричалъ нашъ урядникъ. «Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать! По два заряда картечи въ одну пушку! по два заряда картечи въ одну пушку!» Какъ мы хватимъ, хватимъ! такъ улицы и ложатся! Наши войска тоже остановились, забили барабаны, раздалось ура — и они бросились впередъ!... Турки смѣшались и

кинулись уходить; бѣгутъ мимо насъ, а мы имъ въ бокъ, а мы имъ въ бокъ... такъ и слышно какъ картечь объ лошадей и людей только шлёпъ-шлёпъ, шлёпъ-шлёпъ!... Одинъ было съ шашкой бросился прямо на нашу пушку, махалъ и кричалъ своимъ, но мы повернулись къ нему, и онъ перевернулся вмѣстѣ съ конемъ. Лежитъ огромный, весь въ шелку!... Тутъ бѣжитъ наша пѣхота; солдаты, опираясь на штыки, лѣзутъ къ намъ на гору, падаютъ и кричатъ: «Ура! ура!»... Но вотъ скачетъ нашъ командиръ, соскочилъ съ коня, снялъ шапку: «Спасибо вамъ, ребята, спасибо вамъ, ребята!»

«Мы брали городъ Арзрумъ», сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ. «Долго стояли кругомъ и стрѣляли въ городъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ турки сдались, выкинули флагъ и растворили ворота... Ихъ войскамъ дозволено было оставить городъ и удалиться. Стоимъ передъ воротами, а они эскадронами, эскадронами выходятъ изъ города и проходятъ мимо насъ. Гляжу я, ѣдетъ турокъ, весь въ золотѣ—у меня такъ слюни и потекли. Гляжу, а у него на рукахъ золотыхъ перстней полны пальцы... Я бросился къ нему, сталъ ногою въ его стремено, хватилъ его руку, и ну снимать перстни; цупрю, цупрю, снимаю — нѣтъ, туго! .. А онъ, не будь дуракъ, выхватилъ пистолетъ изъ за пояса, да размахнувши руку, какъ дастъ мнѣ между плечь прикладомъ—я такъ и присѣлъ!»

XXXIII.

Утромъ дружко съ свашкой и въ сопровожденіи многихъ гостей пошелъ «поднимать молодыхъ». Оттуда всѣ бѣжали за молодыми, плясали и пѣли; а въ рукахъ несли: кто подушку, кто простыню, кто скатерть или полотенце. Всё съ комнаты, гдѣ были новобрачные, было забрано, швырялось въ стороны и подкидывалось вверхъ. «Всё благополучно!» сказалъ дружко,

вводя молодыхъ въ комнату и представляя ихъ отцу жениха. Теперь его обязанность была кончена.

Это время называли «веселое утро». Свадьба въ самомъ дѣлѣ приняла такой веселый характеръ, что со стороны можно было подумать, что всѣ одурѣли. Отправились всѣ къ отцу и матери невѣсты и тамъ пѣли:

«Да спасибо тебѣ, мати,
Что умѣла дочку кохати...
Зеленаго луга калина,
Честнаго рода дѣтина»...

Отсюда ходили по улицамъ «съ весельемъ». Всѣ прядали и кричали. Снѣгъ въ это время растаялъ, появились вездѣ лужи, но ихъ это нисколько не стѣсняло; они вбѣгали въ нихъ и тамъ ложились и катались или валяли и таскали по водѣ и грязи другихъ. Всѣ были мокры и захлёпаны. Въ рукахъ у всѣхъ были подушки, пучки калины, бутылки и графины съ водкой; у иного былъ соленый огурецъ или кусокъ соленой капусты, и онъ тутже его ѣлъ.

У жениха танцовали не только на землѣ, но и на столахъ и стульяхъ; танцовали на колѣняхъ, на спинѣ, на пузѣ и на головѣ... Все было поколоно, побито и поразлито.

Пошли по дворамъ; каждый, участвовавшій въ свадьбѣ, приглашалъ къ себѣ всѣхъ и угощалъ. Приглашая, говорили: «Теперь, честная компанія, прошу къ себѣ ни всѣхъ поименно, а всѣхъ поголовно!» Изъ двора въ дворъ кто шелъ пѣшій, кто ѣхалъ въ саняхъ, а кто верхомъ. Многіе побрали кадушки, казаны и другіе инструменты, которыми можно произвесть шумъ, и, повѣсивши ихъ на шею, колотили палками. Другіе стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ. Одинъ схватилъ съ крыльца лантухъ, накинулъ имъ проходившую мимо свинью, закаталъ ее въ него и бросилъ въ сани, гдѣ было полно бабъ. Свинья кри-

чала, какъ будто кто ее рѣзалъ, а бабы выпрыгивали и падали изъ саней.

XXXIV.

Когда были у двоюроднаго брата Ивана Θедоровича, то дворъ его былъ весь наполненъ лошадьми: и осѣдлаными, и запряжеными... Къ однимъ изъ саней, наполненнымъ сѣномъ, подошли двѣ коровы. Одинъ изъ казаковъ, замѣтивши это въ окно, поспѣшно вышелъ изъ комнаты. У него родилась дивная мысль—и онъ рѣшился тотчасъ привесть ее въ исполненіе. Подбѣжавши къ санямъ, онъ схватилъ коровъ за хвосты и привязалъ къ полудробкамъ. Коровы бросились въ стороны, страшно заревѣли, отчего лошади попугались, и многія ускакали въ степь; другія же бросились на плетни, и или завязли на нихъ, или, перескочивши на ту сторону, а сани оставивши по этой, сильно брыкали и ржали. Коровы же потуда ревѣли и прядали, покуда оторвали себѣ хвосты по самыя спины. Это была смѣлая картина!

Вся компанія выскочила на крыльцо и въ удивленіи и недоумѣніи смотрѣла на всё это. «Какой это чертъ догадался?» говорили казачки. Хозяинъ выскочилъ впередъ всѣхъ; плетни его и двери всѣ были поломаны, коровы безъ хвостовъ—это были его любимыя коровы! Онъ ничего не сказалъ, только сурово взглянулъ на свою старуху. «Ну», сказала она: «окошится все это на мнѣ! Прогрызетъ онъ мнѣ шею, будетъ, ни за что, ни про что, ширять этими хвостами въ глаза!»

XXXV.

Черезъ восемъ дней, когда всѣхъ обходили, то собрались всѣ къ жениху, и хотя были всѣ охриплые отъ споровъ и крика,

едва таскались, но шумѣли и пили по прежнему. Водку разносили всѣмъ по порядку, и никто не могъ отказываться или пить не всю. Отъ этого многіе набирали полонъ ротъ, потомъ выливали ее въ рукавъ, а вышедши на дворъ трясли рукавъ, и водка выливалась.

Пили и такъ: хозяйка подносила водку и потомъ, отошедши къ порогу, подставляла фартукъ; выпившій долженъ былъ кидать въ фартукъ рюмку. Если попадалъ, то она наливалась и подносилась другому, а если нѣтъ, то ему опять. И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не вкидывалъ въ фартукъ.

Подъ конецъ, принесли большой горшокъ и поставили на столъ къ верху дномъ; на тарелку налили водки и, обмочивши въ нее нѣсколько платковъ, зажгли. Горшокъ нужно было разбить, а платки залить водою. Это называется «заливать пожаръ», и обыкновенно дѣлается чинно и тихо: хозяйка беретъ скалку или чаплю и разбиваетъ горшокъ; а хозяинъ вноситъ ведро воды и заливаетъ горящіе платки корцемъ. Но здѣсь это сдѣлалось иначе. Одинъ изъ казаковъ, дальняя родня невѣсты, парень *высокій и суровый*, возымѣлъ намѣреніе покончить все однимъ разомъ и залить всѣ платки однимъ махомъ. Онъ заблаговременно запримѣтилъ, что въ чуланѣ стояло двѣ кадушки: одна съ водою, а другая съ квасомъ. Квасъ былъ выбранъ, и въ кадушкѣ оставалась почти одна гуща. Когда платки загорѣлись, то онъ пробрался въ чуланъ и схватилъ кадушку, и не попалъ съ водой, да съ квасомъ. Поконецъ стола стоялъ Иванъ Ѳедоровичъ съ женой, онъ подобрался тихонько сзади къ ихъ плечамъ, размахалъ кадушку и хватилъ по всей компаніи....

«Что это?! громовымъ голосомъ вскричалъ одинъ изъ стариковъ. «Ахъ, батюшки! что это за погань!» рѣзкимъ и тонкимъ голосомъ закричала старуха, вычищая обѣими руками изъ рта гущу,

Всѣ вскочили съ мѣстъ и такъ были поражены и удивлены этимъ, что ничего не могли сказать и только глядѣли одинъ на

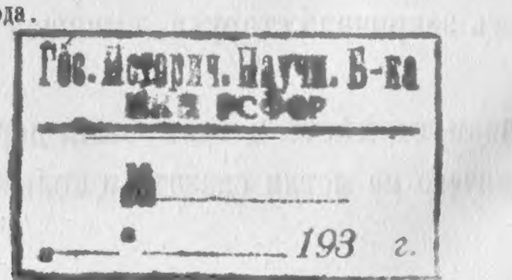
другаго. Самая большая струя квасу досталась на долю двоюроднаго брата Ивана Өедоровича. Не только его плисовый кафтанъ былъ залитъ и обмазанъ гущей, но и усы, борода и брови — все было напудрено. Онъ плевалъ, сердито глядѣлъ въ землю и обиралъ руками усы и брови.... Но больше всѣхъ удивился самъ виновникъ этого происшествія. Онъ стоялъ передъ столомъ, не трогаясь съ мѣста, глядѣлъ на всѣхъ удивленными глазами и держалъ передъ собою кадушку. Нѣсколько человѣкъ схватили его за кадушку и, заглядывая въ нее, вывели въ чуланъ, дергая и спрашивая: «Гдѣ ты ее взялъ? гдѣ ты ее взялъ»? Но отъ него ничего не было слышно.

«Проклятый булавинецъ! отколь его черти вынесли? сказалъ кто-то. «Опорочилъ всѣхъ»! Всѣ встали, плевали, харкали и сурово глядѣли одинъ на другаго, оглядывая съ ногъ до головы.... Попрощались съ хозяиномъ, который былъ совершенно уничтоженъ, и съ мрачнымъ и невеселымъ духомъ разошлись и разъѣхались по домамъ.

Молодыя казачки, не сидѣвшія за столомъ, увидѣвши всѣхъ въ гущѣ и квасу, такъ и положились со смѣху. *Когда онѣ* опомнились и глянули на столъ, то тамъ ужъ никого не было, всѣ давно ушли; только на столѣ лужей стоялъ квасъ. Скамьи, стулья, окна — все было въ гущѣ. Онѣ принялись обтирать всё и собирать ложками въ чашки, но и тутъ нѣкоторыя изъ нихъ никакъ не могли удержаться отъ смѣха: роняли чашки и ложки, и прислоняясь къ грубѣ или хватаясь руками за стулья, кричали: «Батюшки, умру, умру! животъ надорву! ой! ой!» — «А теткѣ Ермачихѣ такъ всю образину и залѣпилъ! охъ! батюшки! умора!.... Ўмора да и только»!....

Генварь 1868 года.

Таганрогъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
РСФСР
№
193 г.